

Елена Забродина
Любовь Забродина

ЛЕШИЙ
ЗА ТВОИМИ
ВОРОТАМИ

Елена Забродина

Леший за твоими воротами

«Издательские решения»

Забродина Е.

Леший за твоими воротами / Е. Забродина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835311-6

Скептик Макс идет со своей девушкой-журналисткой на встречу с человеком, якобы встречавшим на болотах лешего и, сам того не желая, покупает у того антикварный нож. После чего очевидец лешего погибает, а девушка сходит с ума. Макс отправляется по ее следам, чтобы выяснить все обстоятельства произошедшего, а виновного привлечь к ответственности. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835311-6

© Забродина Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Леший за твоими воротами

Елена Забродина
Любовь Забродина

Фотограф Алиса Паломяки

© Елена Забродина, 2024

© Любовь Забродина, 2024

© Алиса Паломяки, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4483-5311-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Я, когда Лешего увидел – чуть богу душу не отдал. Волосы от ужаса так и зашевелились, а по спине как будто кто наждаком... Так и дерет... Одним словом – жуть. Иностранцы-то эти че сюда приезжают? С жиру бесятся – лешего им подавай. А увидят – удирают, как полоумные, да все по можачинам сигают. Можачины на вид, что твой лужок, мы инструкции проводили, все как полагается, – в болотах это самое опасное место. Да только куда там... Эти придурки от страха несутся, сломя голову в самую топь. Мы одного немца так еле вытащили. Сгиб бы, побежи мы в разные стороны. А один раз... Разбили мы как-то палатки уже у самого выхода из Кузьминских болот. А в ихних лесах волков видимо-невидимо...

Макс сидел в кафе, краем уха слушал бредни некоего Козлова и пытался сосредоточиться на коде. Где-то в стройную систему закрался баг. А сроки уже поджимали, пора сдавать работу заказчику. Что он тут делает, в задрипанном кафе, играющем музыку 80-х, с пыльными лампами, которые буквально касались голов посетителей? Он был бы рад сейчас оказаться дома и поработать, но сидел здесь, потому что обещал Насте сходить с ней на интервью. Девчонка чего-то опасалась. Вообще-то, она была права, этот ее интервьюируемый внушал опасения. Опухший от тяжелого похмелья, но заявляющий, что это от застарелой бессонницы (ну-ну), болтал о судьбе, от которой не уйдешь, как ни крутись. Типа, это все метафизика. Откуда-слово таких набрался? Потом скатился на банальные байки о нечисти... Макс перестал слушать почти в самом начале. Но был настороже – не шизофреник ли часом?

А Настя слушала этот горячечный бред, затаив дыхание, только диктофон все поближе пододвигала, чтоб не дай бог, какое слово не упустить. Перед ней был очевидец, видевший самого лешего. Да-да, самого! Лешего! Уму непостижимо, как такое можно воспринимать всерьез? Сидит его Настя напротив Козлова – глазищи синие в пол-лица, губы красные, как смородина, волосы – в хаотическом беспорядке, как и сама их хозяйка, постоянно пребывающая в Броуновском движении. На днях ей исполнилось двадцать пять, но на свои годы она не выглядела. Совсем как школьница-отличница, с восторгом взидала на Козлова, как на учителя и грызла соломинку из-под сока. Ох уж эта ее привычка! Настя, когда волновалась постоянно что-то грызла – то ногти, то карандаши, то ручки...

Макс был скептиком до мозга костей, зато у его девушки, начинающей журналистки, всякая мистика являлась коронной темой. К тому же, последние пару месяцев был реальный стимул – появился шанс пробиться в престижный журнал, и на эту встречу она возлагала большие надежды. Макс не понимал ее страсти к мистике – погони за очевидцами, командировки по следам полтергейстов и местам высадки инопланетян. К чему все это? Он как-то предлагал сам сочинить пару историй для ее газетки, но Настя гневно отказывалась. «Ты не понимаешь, мне не нужны сказки, мне нужна правда!» Ну конечно, правда и только правда! Все как в суде. С увлечениями девушки его примиряло только то, что эти поиски зеленых человечков приносили хоть небольшие, но деньги. Что было очень важно для их совместного бюджета.

Макс снова попытался углубиться в записи. Там, где-то в исходном коде допущена ошибка и задуманные алгоритмы работают неправильно. В кафе было полупустынно, всего несколько человек, за окном – унылая слякоть конца октября... Сейчас бы домой. А Козлов продолжал заливать.

– В общем, люди у нас начали пропадать. Спать ложились – был человек, проснемся – нету. И никто их найти не может.

Макс невольно хохотнул. Настя наступила ему под столом на ногу.

– А поподробнее? Имена, даты?

– Есть списочек. Да я не знаю, стоит вам доверять или нет? – мужик обвел кафе колючим подозрительным взглядом. Но ничего не нарушало идиллию: по соседству мило шушукалась

парочка, за угловым столиком интеллигентно спорили студенты, по всей видимости, о поэтических сферах. С тоской поглядывая в окно, сидела одинокая женщина за сорок...

– Мне нужны доказательства, иначе информация ничего не будет стоить, – настаивала Настя.

Козлов почесал небритый подбородок, Настя замерла – свидетель вот-вот разродится фактами. Макс тоже наблюдал – если уж нельзя этого избежать, так хоть посмеяться. Настю он злить не хотел, но с другой стороны – он не навязывался на это выездное цирковое выступление.

Звякнул колокольчик на двери, объявляя о приходе нового посетителя. Козлов зыркнул в сторону входившего, и чесавшая подбородок рука, застыла на месте. Посетитель не проявил к ним интереса, прошел и сел за дальний столик. На голове его была шляпа, с которой падали тяжелые капли – пошел дождь. Зато с Козловым произошли яркие метаморфозы – он как-то сразу сделался меньше ростом. Макс показалось, что их собеседник готов был от страха спрятаться под стол. Настя тоже заметила перемены, с интересом оглядела нового посетителя, тот заказал у официанта кофе. Мужик как мужик, разве что шляпа... Ну, и что? Оригиналлов везде хватает.

Козлов наклонился над столом, прячась от нового посетителя за фигурами Насти и Макса, полез за пазуху и спросил:

– Интересуешься?

– Конечно, – Настя была чуть сбита с толку. Но Козлов не обратил на нее внимания, он говорил Макс.

– Оружием интересуешься? – И вытащил сверток. Из-под засаленных тряпок на мгновение холодным блеском сверкнула сталь.

Настя и Макс оба инстинктивно шарахнулись назад. Это не просто цирк с конями, все может оказаться намного серьезнее. А вдруг этот Козлов – маньяк? Макс встал, поднимая подругу со стула, одновременно загораживая ее от потенциальной опасности. Настя резко вскочила, стул опрокинулся с каким-то нарочитым грохотом. Официант повернулся на звук, за ним обернулись остальные посетители кафе. Козлов сразу запаниковал, глаза забегали. Он схватился за голову, спрятал сверток на коленях.

– Сядьте же вы, – замахал он руками на молодых людей, – не привлекайте внимания.

Макс увидел в его глазах страх, жуткий, давнишний. И сразу же отпали сомнения, что Козлов на самом деле недосыпал. Макс поднял Настин стул и поставил его так, чтоб оказаться между подругой и подозрительным мужиком. Девушка опасливо села на самый краешек. В Максе проснулось любопытство. Надо посмотреть, что там дальше. Если б мужик собирался напасть, не прятал бы в панике что-то там под столом.

– Не то что бы очень интересуюсь, – протянул Макс, пока не зная, как лучше сказать. – А что у тебя?

Мужик, стараясь не привлекать лишнего внимания, развернул тряпки и показал нож. Но разве это был нож? Нож – для резки хлеба, нож – для мяса и овощей. Еще ножом режут сыр и подрезают виноград, разрезают бумагу и обрезают остатки пропиленовой трубы, наносят раны и перерезают вены... Настя и Макс оба застыли в восхищении. В замусоленной тряпке был совсем не нож, а произведение искусства: холодная изогнутая сталь, тонко искусно инкрустированная ручка, узор абсолютно не напоминающий ничего ранее виденное. Козлов чуть повернул клинок, и блик от тусклой кафешной лампы скользнул по лезвию. У Макса по спине пробежали мурашки от такой красоты. Похоже, та же реакция была и у Насти. Но Настя – женщина, оружие у нее вызывает пусть благоговейный, но ужас. В мужчине же на мгновение оживают все его забытые и почти атрофировавшиеся за ненужностью инстинкты охотника, убийцы. Нож был явно антикварный.

Увидев блеск в глазах парня, Козлов снова накинул тряпочку, и магия ножа чуть схлынула. Не расслабляться! Он метнул взгляд в сторону нового посетителя. Тот по-прежнему не проявлял к ним никакого интереса.

– Довольно дорогая вещь, – осторожно сказал Макс.

– Сам знаю. Берешь?

– Продаете?

Наконец, Настя пришла в себя.

– Вы владелец? Откуда он у вас?

– Я его подобрал на болотах.

– Морошку собирал? – съязвил Макс.

Козлов вдруг разозлился.

– Я о чем полчаса талдычу?

Но кричать не стал, явно опасаясь, что его услышит новый посетитель в шляпе. Тот и в самом деле поглядывал в их сторону.

– Тур у нас такой есть. Туристы гуляют по болотам, логово лешего ищут.

Макс скептически скривил губы. Козлов обиделся. Настя решила замаять неловкость, все-таки, это ее клиент... Но вдруг ни с того ни с сего, Козлов нагнулся над столом еще ниже и схватил Макса за рукав, еле разборчиво забормотал:

– Мне нужно скрыться. Помогите. Они меня убьют.

Вот, началось! Валить надо отсюда. И Насте втолковать – пора взрослеть. Когда-нибудь вляпается во что-нибудь по-настоящему опасное. Криминала им еще не хватало. Макс начал отдиравать чужие пальцы от своего рукава. Получалось с трудом – только что отцепленные, они снова хватались за рукав.

– Я не знаю кто они, – бормотал мужик. – Но я чувствую, как они подбираются все ближе. Они охотятся за мной. И мне страшно. Этот страх не может заглушить даже водка.

Глаза лихорадочно блеснули и смотрели куда-то мимо Макса. Макс проследил за взглядом и заметил на улице двоих парней, топтавшихся возле входа. Видимо, решали – заходить или нет? И никак не могли прийти к единому мнению, или прощались, перед тем как разойтись. По мнению Макса – ничего подозрительного, но на Козлова их фигуры производили ужасное впечатление.

– Это целая банда. Они хотят меня убить, потому что я раскрыл их тайну.

– Какую тайну? – спросил Макс, вместо того, чтобы просто молча встать и увести Настю. Говорят, слабоумие заразительно. Пожалуй, они правы, кто так говорит.

– Я их место нашел. Поганое место, я вам скажу. Я ведь и сам никогда раньше в нечистую силу, леших всяких не верил, а тут молитвы читать стал, как самый заправский поп.

Рассказывая, Козлов поминутно оглядывался, бросал испуганные взгляды на посетителей бара. Одинокaя женщина уже вышла, студенты допили кофе и тоже стали подниматься с места. Мужик со шляпой индифферентно крутил свой телефон... А парни у дверей все никак не могли проститься.

Козлов теперь напоминал затравленного зверька – хорька какого-нибудь. Он дрожал как осиновый лист, мышцы на лице дергались как у невротика, а взгляд... взгляд был цепкий, но в нем плясали огоньки безумия. Макс поежился. А Козлов схватил его за запястье и чуть ли не умоляюще попросил:

– Купи его.

– Сколько стоит?

Антиквариатом он не занимался, холодным оружием – тем более. Денег ему на такой нож всю жизнь не насобирать. Парень работает себе от заказа до заказа, делает компьютерные программы, так же Настя – живет гонорами. Не сказать, чтоб бедные, но и не шикают.

Максу никогда не приходило в голову покупать дорогие вещи. Но нож его привлек. Очень. Так и хотелось взять его в руку, ощутить холод и тяжесть клинка.

Настя повернулась к Максусу и ее брови вопросительно изогнулись. Ей совсем не понравилось выражение лица молодого человека.

– Сколько? – еще глуше переспросил Макс, не дождавшись ответа.

Мужчина за дальним столиком начал отсчитывать деньги для оплаты счета. Подвинул к себе шляпу, похоже, собирался уходить.

– А сколько у тебя есть? – быстро спросил Козлов, от волнения облизывая губы.

– Макс... – Настя сделала ему большие глаза, так как тот полез за кошельком.

Макс не обратил внимания. Или, скорее, сделал вид, что не обращает. Пересчитал наличку.

– Немного.

Козлов, не считая, выхватил деньги, сунул их скомканной кучей в карман, быстро поднялся и прошел мимо недоумевающих Нasti и Макса. Нож в тряпке остался лежать на столе.

Парни все-таки вошли в кафе. Козлов засуетился. А потом с криком отчаяния метнулся к парням, одного толкнул, второму ударил под дых и выбежал на улицу. Дверь за Козловым закрылась. Обескураженные парни поворчали, но догонять обидчика не стали: что с пьяного возьмешь? Зато буквально сразу же мужчина в шляпе бросил мелочь за кофе на стол, и быстрым шагом вышел. И, насколько мог судить Макс, пошел в том же направлении, что и Козлов.

Макс и Настя переглянулись. Все произошло более чем неожиданно. А если этот сумасшедший обманул? Вдруг в тряпке уже не кинжал, а кусок картона? Обоим эта мысль пришла одновременно. Они протянули руки, развернули ткань и снова стальной клинок послушно сверкнул своим неземным мертвым сиянием.

Настя и Макс, не проронив ни слова, вышли из кафе. Оба приходили в себя от происшедшего. Она ожидала от встречи большего: информации, наводок, а получила – нож. Макс был вообще в ступоре. Сели в десятку Жигулей, которую Макс пару лет назад купил на интернет-базахолке, и поехали домой.

Ехали так же молча. Между ними как будто пробежала черная кошка. Настя, похоже, дулась на Макса. Смотрела куда-то в сторону, обиженно сопела. Остановились, чтобы заправиться. За бензин заплатила Настя. Она ворчала, он отмалчивался. Не хотел оправдываться как нашкодивший школьник. Макс и сам понимал, что поступил опрометчиво, спустив остатки денег на совершенно бесполезный нож. Он злился сам на себя: ну вот зачем? Ему что, руки выкручивали? Тем более, что обычно он с осторожностью делал любые покупки, взвешивая все за и против. Но в этот раз его как будто околдовали. Макс готов был провалиться сквозь землю – так ему было стыдно перед Настей.

Погода меж тем продолжала портиться, снова пошел дождь. Он загонял всех жителей города в дома, на улицах не было ни души. Только редкие машины выныривали из потока, проносились мимо и исчезали за белесой пеленой. Дождь припустил сильнее, «дворники» не справлялись. К тому времени, когда они подъехали к дому, уже шел ливень, да такой сильный, что Настя с Максом промокли, пока бежали от машины до подъезда.

У порога их встретил коротконогий пес, смесь шарпея с дворнягой. Завертелся юлой, запрыгал на грудь, норовя вымазать слюной. Макс погладил его жесткую короткую шерсть, подергал за складки на шее. Пес от радости сучил задними лапами и его когти клацали о ламинат. Макс гладил собаку одной рукой, а вторая сама тянулась за покупкой. Тряпка, в которую ее завернули за неимением лучшего варианта, странно воняла, была грязной и рваной. Нож в ней смотрелся как жемчужина в куче дерьма. Макс вытянул руку с ножом перед собой, сталь сверкнула, заворачивая. Тершийся у двери Барбос ни с того ни с сего облаял хозяина. Настя пристегнула поводок на ошейник – пора животное выгуливать. Макс не обращал внимания

на приготовления, он был полностью увлечен ножом. Схватил его наперевес, сделал несколько выпадов в стиле ниндзя. Скорее для поднятия Насте настроения. Получилось смешно, но Настя не смеялась.

– Я бы ни за что такой не купила.

– Да ладно тебе, – добродушно отмахнулся Макс, – если тебе жалко денег, то я на днях работу сдаю, скоро появятся еще. Тебе что-нибудь купим. Ты же хотела новую куртку. – Он потянулся поцеловать ее, она увернулась – с ее стороны разговор был не закончен:

– Не в этом дело. Я боюсь... Этот Козлов рассказывал очень странные вещи. Я накопила кое-какую информацию про эти Кузьминские болота. Там действительно происходит что-то непонятное.....

Но Макс не собирался слушать дальше:

– Не жди, что я поверю в эту чушь. Скорее всего, этот прожженный мошенник спер ножик у какого-то антиквара, а продать не получилось. Может, с кем-то договаривался, да сделка не состоялась. Вот и захотел поскорее с рук сбыть.

– Дурак, тогда еще страшнее. Найдут ведь тебя. Этот нож – единственный в своем роде.

Макс высказал сильное сомнение, но и сам уже верил – нож не подделка, он настоящий. Чтобы быстрее закончить разговор, он схватил поводок Барбоса. Нож сунул в карман.

– Зачем он тебе? – уже тише спросила Настя. – У тебя на него даже документов нет. Это же холодное оружие, за него могут посадить.

– Да ни зачем, – застегивая другую куртку, ответил Макс. Та, что была на нем, еще долго будет сохнуть. – От воров и бандитов лучше электрошокер взять, или газовый пистолет, травматiku, может быть. А это так, для красоты.

– Ни к чему тебе эта красота, – холодно сказала Настя. – Узнай цену и продай.

– Хорошо, – буркнул Макс, лишь бы закончить этот ни к чему не ведущий разговор, и исчез за дверью.

На улице он отпустил Барбоса (Настя называла его по-своему, Барбадосом, по ее словам, так звучало благороднее) бегать под дождем, делать свои собачьи дела, сам спрятался под козырек подъезда, достал телефон с выходом в инет и углубился в изучение ножей. Однако, перерыв кучу сайтов, нож не удалось идентифицировать. Был похожий клинок, стоивший баснословных денег, поэтому Макс не поверил, что только что купленный им за гроши «раритет», может стоить столько же. Хоть Козлов и находился явно не в той ситуации, чтобы долго торговаться, но все равно, было невозможно поверить, что человек в своем уме мог так просто расстаться с целым состоянием. Разве что... Не слишком-то он походил на разумного, надо признаться. Решено, завтра Макс пойдет к ювелиру и узнает цену. Нужно было думать о будущем. Настя мечтала о своей квартире. Ведь когда-нибудь они поженятся и у них появятся дети. Какая же семья без детей?

Когда он вернулся, Настя уже отошла. Слава богу, не могли они долго друг на друга злиться. Она вымыла лапы зверю, выпустила его из ванной (Барбос, клацая когтями и оставляя за собой мокрые следы, напрямиком ринулся на кухню) и вышла сама, завернутая в полотенце. Без слов она взяла Макса за руку и потянула в душ.

Ночью Макс спал беспокойно, ему снились кошмары. В них он несколько раз умирал, с ним творились страшные дела, и он не мог найти выход с какого-то болота, тонул в нем, сражался с дикими зверями... В руках его непременно был нож. Из атрибута клинок превратился в главное действующее лицо. Макс был так, на подхвате. Его рабом. Это пугало даже больше, чем дикие звери. В мешанине сюжетов нельзя было найти смысла, ни одна из историй не раскручивалась в последовательность событий, все смешалось клубком. И клубок напоминал шевелящихся в банке дождевых червей. Ходил Макс однажды на рыбалку с молодым вожатым, имени которого уже не помнит. Парня не помнит, а червей, будто шнурки от кучи ботинок, свернувшихся вместе в шевелящуюся кучку – помнит.

Утром Макс какое-то время приходил в себя. Вчерашний вечер будто выветрился из памяти, было муторно из-за беспокойной ночи. А потом все встало на места. Нож. Макс протянул руку – возле кровати стоял стол с компьютером, здесь он обычно работал. Сюда же положил вечером нож. Сегодня ножа не было.

– Настя, ты нож спрятала?

– Только не надо с утра... – слышался слегка раздраженный ответ из ванной. – Ищи там, куда положил.

– Но он был тут, – Макс начал выдвигать и задвигать ящики стола, переставлять книги. Стол был пуст.

– Может и был, я не помню, – отвечала Настя. Она красила глаза и даже не повернулась от зеркала.

– А кто будет помнить!? – вспыхнул Макс. – Нас в этой квартирке только двое, где тут вообще можно что-то потерять?

– Не ори! – накинулась на него Настя. – Сам куда-то дел, сам и ищи. И нас не двое, а двое плюс собака. Спроси еще у Барбадоса, может он знает? А мне на работу пора.

– Насть, ну извини, – слегка пришел в себя Макс. И чего он в самом деле набросился на подругу? Подумаешь, разозлилась и спрятала нож. Она вполне себе практичная, дорогую вещь не выкинет. Да, надо про это сказать:

– Просто ножик наверняка очень дорогой. Я в интернете видел подобный, за сто штук евро. Ты же понимаешь, что было бы обидно его потерять сейчас просто так.

– Пока этот нож стоит копейки. И не факт, что тебе дадут за него больше. Не сходи с ума, я уверена, что это подделка. Ладно, я на трамвае поеду, можешь не подвозить.

Чмокнув его в щеку, Настя заспешила к двери. Макс с сожалением потер щеку и подумал, что быт, все-таки, со временем разрушает романтику. Вот так вот, вместо поцелуя взасос, клюнула в щеку. А там глядишь, и вовсе без поцелуев обходиться начнут.

За окном маячил серый рассвет. Макс вышел на балкон, вдохнул сырой утренний воздух и тут же нырнул обратно в квартиру. На улице было пасмурно и холодно. Моросил мелкий дождь. «М-да уж, погодка под стать настроению» – мрачно подумал он, посмотрел на довольного жизнью, уже выгулянного Барбоса, и засел за компьютер, делать свою работу. Настя вернется, отдаст нож как миленькая. Не всю же жизнь будет на него дуться.

А потом нож нашелся. Вырубился компьютер, Макс полез к системнику, нагнулся и увидел его. Он лежал там себе, как ни в чем не бывало, острием вверх. Вряд ли Настя его туда закинула. Может быть, Барбос возле стола терся? Забыв про работу и несохраненные данные, Макс полез его доставать. Острое лезвие скользнуло по руке и вспороло кожу. Макс отдернул руку, кровь показалась из ранки, и будто бы секунду раздумывая, полилась тонким ручейком от ладони к локтю. Макс схватил первое попавшееся под руку – нужно было заткнуть порез и остановить кровь. Он перемотал ладонь шторой. «Настя будет сердиться, – пронеслось у него в голове, – шторы новые». Но потом уже было не до этого. Пятно крови все разрасталось, будто акварель в банке с водой. Рука начала болеть, а штора, из нежно-салатовой полностью превратилась в бордовую. Максим накинуд еще один слой, перетянул запястье, и зажал руку как дитя у груди.

Рана на удивление оказалась неглубокой, но кровь удалось остановить не сразу. Настина штора уже никуда не годилась, хоть выкидывай. Перебинтовав ладонь, Макс достал нож, оттолкнув в сторону системный блок. Надо сразу было быть осторожным. Видно же, что не игрушка, а настоящий клинок. Макс завернул его в чистое кухонное полотенце и решил все-таки показать ювелиру. Хранить, не зная, что именно хранишь... Хотя, в любом случае, нож красивый, но зная ценность изделия не повредит. Он еще хотел снять штору и замочить, но эта идея буквально сразу же после рождения выветрилась из головы.

Максим домчал до ближайшего антикварного магазина за несколько минут, без пробок, что было большой удачей. Он шагнул в захлавленную антикварную лавку, где чего только не было. Такое впечатление, что Макс только что перенесся в машине времени. Только дедок, вышедший навстречу, был одет в джинсы и рубашку-поло с логотипом одного из американских брендов. Дедок долго разглядывал нож, вертел его и так и сяк. В конце концов, вооружившись простой лупой, пробежался по лезвию и изучил рукоять. Потом достал какую-то книгу из-под прилавка, что уже само по себе было удивительно, потому что в наше время у всех уже компьютеры, где есть базы данных по драгоценностям.

– И чего? – спросил Макс, ошарашенный таким представлением. – Этот кинжал есть в книге?

Антиквар молча жевал губами, прищипывал, а когда поднял глаза от книги, излучая честнейшую улыбку сказал, что ножичек ничего не стоит. Но если клиент пожелает, он может его купить. Из-за необычного вида.

– Ага, значит, ничего не стоит? Спасибо. – Не особо переживая по этому поводу, Макс завернул нож обратно. Антиквар невольно сделал руками хватательные движения в направлении ножа.

– Знаете, я бы у вас его все-таки купил.

– Нет, я передумал.

Макс положил нож за пазуху, так же как когда-то клал его Козлов, и направился к двери. Старик все никак не мог успокоиться.

– А вы бы оставили его на вечер, я бы еще поискал. Все-таки, не хотелось бы ошибиться в оценке...

– Не нужно, – махнул Макс, – так даже лучше. Ничего не стоит, и замечательно.

И он вышел за дверь. Антиквар провожал его таким тоскливым взглядом, будто упустил сделку на миллион.

Не сказать, чтоб Макс так уж и поверил оценщику, но знание, что нож не антиквариат и за ним не гонятся обворованные Козловым бывшие хозяева, все-таки облегчало жизнь. И совесть успокоилась. А то все не давала покоя мысль, что, получается, воспользовался случаем, у сумасшедшего мужика по дешевке присвоил дорогую вещь. Теперь нож можно с полным правом назвать своим. Пульсацией дала о себе знать рана... И все-таки... не хлебный это нож... Опасно носить его без чехла. Не порезаться бы самому ненароком.

Макс зашел в первый попавшийся магазин и купил вполне сносный чехол. Вернее, чехол продавался в паре с ножом, и продавщица ни за что не хотела продавать его отдельно – пришлось купить все вместе. Наличные кончились еще вчера, и Макс расплатился кредитной картой, что делал крайне редко, только в самых тяжелых случаях. Выйдя на улицу, он тут же вытащил из чехла штампованный магазинский ножик, выкинув его в урну, и поместил на его место свой.

Возвращаться к машине пришлось далековато, и Макс решил срезать путь по дворам. И тут на него напали. Сначала к нему подошел один из мелких стриженных пацанов, что стояли неподалеку и начал с классики, попросил закурить. Макс машинально, не задумываясь, отказал, да и курить он бросил уже года два назад...

– А если подумать? – протянул наглый пацан.

Тут подошел второй, ростом побольше, такой же лысый, в кожанке, еще более наглый на вид.

– Мобила есть? Дай позвонить! – потребовал он.

Макс рассмеялся. Двумя подростками его было не напугать.

– Шли бы вы ребята, пока я сытый, – он еще добродушно посоветовал. Но зря он так ослабился. Сзади на него кто-то прыгнул, повалил наземь. Подростки как доминушки кинулись сверху. Его били и одновременно обшаривали. Макс лежал на животе. Пытался отмахиваться,

встать, но его крепко придавили. Он едва просунул руку за пазуху, во внутренний карман куртки. Нападающие вполголоса переговаривались, стараясь, чтобы жертва их не расслышала. А это уже кое-что да значит. Не простые это ребята, совсем не простые.

И в самом деле, двое схватили его за куртку, дернули и перевернули на спину. А вот это они зря сделали. Макс резко выпустил руку вверх – в ней сверкнуло острое как бритва оружие. Держал в левой руке, но и левой мог порезать так, что мало не покажется.

Нападающие шарахнулись в сторону, оторопев. Их тоже заморозил нож.

– А ну, пошли отсюда, – Макс подал голос – не молчать же до самого пришествия.

Тот, что постарше, усмехнулся, занес ногу, чтобы пнуть Макса в бок. Макс махнул ножом, и от спортивной штанины нападавшего отрезало кусок трикотажа. Подростки охнули. Макс тоже впервые такое видел, но ему некогда было удивляться. Он вскочил на ноги и уже угрожающе начал размахивать ножом, наступая на бандитов. Не отрывая взгляда от клинка, нападавшие попятились, быстрее, быстрее и преследуемые Максом, позорно скрылись за домом. Вся шайка разбежалась меньше чем за пять секунд.

Макс приходил в себя долго, адреналин хлестал через край. Сообразив, что недавние бандиты или, скорее, кто-нибудь из наблюдавших из окон бабок могут вызвать полицию, снова спрятал нож под куртку и пошел к машине.

Назад он ехал медленно, два раза мотор глох безо всяких причин, да еще и в пробке постоять пришлось. В пробке ему вдруг показалось, что за ним кто-то внимательно следит. Он прямо затылком ощущал на себе чей-то взгляд. Домой добрался, выжатый как лимон.

Настя открыла в слезах. В квартире все было перевернуто вверх дном. Очевидно, что грабители искали что-то конкретное, но компьютером и телевизором тоже не побрезговали. Следом за Настей в дверях кухни показались двое полицейских. Один из них старательно составлял протокол. Барбос сидел в углу и попискивал, сопереживая хозяйке. Увидев хозяина, он начал оглушительно лаять на полицейского, как будто почувствовав поддержку.

– Ну что ж ты сейчас-то лаять вздумал, – укоризненно заметил шарпею полицейский. – Надо было лаять, когда домушники орудовали, а то вот мы соседей опросили и они сказали, что ни одна собака тут ни лаяла, а собака между тем была.

– Да он же вам не сторожевой пес, – вступилась Настя за Барбоса. – У него стресс, я его еле из-под дивана вытащила.

Радость Макса от недавней победы над хулиганами была забыта. Стерлась, как веником смахнули. К счастью, работа была сохранена на флешке в машине, но вещей все равно было жалко.

Когда дверь за полицейскими закрылась, Настя без слов обняла Макса и горько завсхлипывала.

– Представляешь, эти гады измазали кровью мои шторы. Для них ничего святого нет.

Макс испытал извращенное чувство радости от того, что домушники так вовремя залезли в их дом, ведь если бы не они – вся Настина злость за испорченные шторы досталась бы ему.

– Не могу смотреть на них! – Настя подбежала к окну и со всей силы дернула. Сверху посыпались крючки, а штора упала комком Насте под ноги.

– Их даже не отстирать, – пожаловалась она и заплакала с новой силой.

– У нас украли телевизор и компьютер, а ты из-за каких-то тряпок переживаешь, – решил успокоить ее Макс. Но лучше бы он этого не делал. Или сказал что-то другое.

Настины глаза стали злыми как у кошки, загнанной собаками на забор.

– Это для тебя они тряпки! А мне так твой телик с компьютером не жалко! Бесполезные игрушки! А шторы я шила своими руками. Я в них свой труд вложила!

– Вообще-то я на компьютере тоже работал, – слабо защищался Макс.

– Лучше молчи! – вскричала Настя, агрессивно наступая на Макса. – Это из-за твоего дурацкого нолика нашу квартиру обворовали!

– С чего ты взяла?

– Говорила тебе, выкинь его! – Настя была как в бреду. – Где он? Он у тебя?

Девушка продолжала наступать на Макса, а тот, опешив, отступал, не узнавая свою всегда вполне мирную Настю. Неужели испачканные шторы так действовали на нее? Хорошо, что он не рассказал ей про нападение хулиганов.

Настя уверенно протянула руку к потайному карману Максовой куртки, там, где в чехле покоился клинок. Макс тут же жестом собственника перекрыл ей доступ к ножу. Настя все поняла, набросилась на него с кулаками.

– Дурак! Из-за него нас с тобой порежут в крошку! Я не хочу! Я жить хочу!

Макс схватил ее за оба запястья, с силой развел их в стороны, заглядывая в глаза.

– Настя, перестань, очнись! – крикнул он ей. – Это просто совпадение.

Она все еще тяжело дышала, но, по-видимому, уже приходила в себя, оглядела комнату как будто по-новому.

– Отпусти, – сказала она. У Макса защемило сердце – таким безжизненным показался ее голос.

Макс отпустил, но все еще был настороже.

– Давай приберемся и выпьем твоего ягодного чая, – предложил он. – В сущности, все не так уж плохо, нас же с тобой не украли, а вещи... обзаведемся новыми.

– Нет, не надо... Ты, конечно, можешь делать, что хочешь, а я сегодня заночую у подруги.

Макс нес шторы в ванную, застыл на полдороге.

– Ты бросаешь меня одного в разграбленной квартире?

– Нам надо побыть по отдельности. Мне надо подумать... – Настя, которая так и не успела переодеться, вернувшись с работы, закидывала халат и белье в сумку, стараясь не смотреть Макс в глаза.

– О чем думать? – На этот раз разозлился он. – О том, что я плохой для тебя защитник, тебе со мной страшно?

Макс бросил злосчастные шторы, подопнув их ногой. Настя в суете собирала фен, полотенце, зубную щетку... прицепила Барбадоса на поводок. Мысли ее были где-то далеко.

– Я не виноват, что нас ограбили. И мне так же, как и тебе противно от того, что в наших вещах копались чужие люди. Но вместе нам будет легче.

Макс уговаривал Настю, держа в руках ее сумку и не желая отпускать подругу.

– Мне нужно прийти в себя и принять, то, что произошло. Пока у меня это не получается. Прости.

Настя говорила быстро, как будто боялась, что ее станут переубеждать, поцеловала Макса, забрала у него сумку и ушла.

А Макс остался. Совсем один. Настя решила прийти в себя без его помощи. Неужели все так плохо в их отношениях? Стало так одиноко и тоскливо, хоть волком вой. Послonyaвшись по пустой и как будто чужой, квартире, подвинув стол в угол и подобрав с пола утюг, Макс решил уборкой сегодня не заниматься. Сил на нее не хватало. Лучше завтра, вместе с Настей. Вдвоем.

Он открыл холодильник, наскоро закусил бутербродами с колбасой, запил холодным чаем, и улегся спать один. Пустая кровать... Он уже почти год спал рядом с Настей. Разве что она иногда уезжала к родителям в другой город на пару дней... А сейчас – один. Он вдруг представил, что отныне все ночи будет спать так, в одиночестве. Ему стало страшно. Макс прогнал эти мысли, с трудом заснул. Однако почти сразу проснулся, сел в постели. Из кухни доносилось странное отчетливое шуршание на кухне. По теории вероятности дважды за один день его вряд ли станут грабить. Неужели мыши? Быть не может. Макс быстро засунул ноги в Настины тапочки – пол был ледяной, прошаркал на кухню, свет включать не стал. Нет, это не мышь – звуки шли из-за стены. За стеной – улица, их квартира на пятом этаже... Макс недоуменно

выглянул в окно. Во дворе все было спокойно: не ездили трактора, не лазили в окна разные домушники... Макс пожал плечами и налил воды в кружку. Медленно пил глотками и слушал, как шуршание переходило в отчетливый легкий шепот. Слова были как будто на иностранном языке. Макс ничего не мог разобрать. Ему на секунду показалось, что он свихнулся, потом отбросил эту глупую мысль. Поставил кружку на стол нарочно громко, как бы прогоняя наваждение. Шепот усилился, теперь он мог различить слова, часто повторяющиеся, как в какой-то молитве: Вер-роус, ри-макс, па-та-ли-на... Ритм слов нарастал, звук теперь шел со всех сторон, как бы окутывая Макса невидимым коконом. Голову закружило как на карусели, к горлу подступила тошнота.

– Вер-роус, ри-макс, па-та-ли-на....

– Это слуховые галлюцинации... – Сказал Макс. Не расслышал себя и проорал куда-то в пространство: – Это слуховые галлюцинации!

Бормотанье перешло в выкрики, а Максу становилось все хуже. Разум его пытался сопротивляться, нужно хотя бы выйти из кухни, из квартиры, из дома... но все было бесполезно. Раздался громкий хлопок, в голове Макса как будто разорвалась тысяча бомб. Он как подкошенный рухнул на колени. В глазах потемнело, и он упал на пол без чувств.

Глава 2

Макс очнулся от того, что Настя тормошила его за плечо.

– Ну вот скажи, как тебя оставлять? – вздыхала она. – Напился как сволочь.

– Я не пил, – ответил Макс и почувствовал сильную головную боль. С таким же удивлением обнаружил себя, лежащим на полу.

– Ага, не пил. А на кухне спать улегся из соображений безопасности?

Макс не стал ничего объяснять. А что собственно, он мог рассказать? Что ночью слышал какие-то шорохи, а потом непонятные голоса пытались свести его с ума? Да она тут же дурку вызовет. Вообще-то для него самого было бы удобнее думать, что он и правда напился. Тогда и головная боль была бы понятного происхождения.

Настя переступила через него, открыла форточку для проветривания. Но не было ни запаха перегара, ни рюмок на столе, ни пустых бутылок на полу... Кажется, она и сама сейчас это поняла.

– И что это было? – спросила она уже не так уверенно.

Макс поднимался – спать на полу ужасно неудобно, мышцы болят и кости не гнутся. Да еще и голову бы не растряссти. Боль плещется в ней как вода в тазике.

– У нас есть что-нибудь от головы?

– Не топор, надеюсь, – хмыкнула Настя и пошла за аспирином.

Она так и ходила по квартире, не разуваясь. Со вчерашнего все осталось на прежнем месте. Она подняла содранную занавеску, расправила, повесила на спинку стула, рассеяно погладила ее рукой.

– Максим, – начала она осторожно. – Ты не подкинешь меня?

Ну, конечно же, Макс – извозчик! Ему заняться больше нечем, как катать Настю туда-сюда. Макс запивал таблетку и не спешил отвечать. Настя помолчала, подобрала с пола пару книг, зачем-то их полистала.

– Мне очень надо. Я хочу, чтобы сегодня меня отвез именно ты.

Настин голос дрогнул, как будто она споткнулась, но Макс не обратил на это внимание. Он вообще мало что замечал вокруг. Голова у него раскалывалась, и это было единственное, что действительно волновало, его раздражали яркий свет и даже сам звук Настиного голоса казался криком обезьяны.

– Тут недалеко, километрах в сорока, – попросила она.

Макс зажал уши руками. Что ж она так орет? Настя поняла это по-своему.

– Тебе сложно, что ли? Ну, не будь эгоистом. Мне очень нужна твоя поддержка. – Настя вдруг сорвалась. – Да перестань, в конце концов!

Настя кинулась убирать его руки от ушей.

– Вставай и заводи машину!

И тут Макса будто порвало. Сколько она может использовать его? Он не ее личный водитель. А может, у него есть свои дела? Не важно, какие. Он с приятелем договорился. И работу отвезти еще... Ей надо, она пусть и едет! А ему не надо! Кого она полюбила и с кем связалась? А где были ее глаза? Он не изменился, это она достала! Автобусы для кого существуют?

Макс кричал, и ему самому было противно. Как с цепи сорвался. Но остановиться не мог. Получалась безобразная свара. Стыдно было, но как шлея под хвост попала.

Настя едва сдерживала слезы. Она молча подхватила дорожную сумку – зачем она ее взяла? И когда успела собрать вещи? Макс и на это не обратил внимания. Хлопнула входная дверь, приводя Макса в себя. Идиот, надо же было поругаться из-за ничего. Но даже тогда он не кинулся за нею следом, не догнал, не попросил прощения...

Барбадос вылез из-под кровати. Что-то часто он последнее время забирается куда-нибудь от страха. Раньше он был похрабрее. Эх ты, дурачок напуганный... Вечером надо помириться с Настей. Цветов ей купить, вот что. Голова еще побаливает, но таблетка почти заглушила боль. Может, совсем пройдет.

Нужно было съездить к заказчику в офис. И вечером, на самом деле, договорился с приятелем – таким же фрилансером. Они раз в месяц ходили в бар пить пиво и болтать о своих фрилансерских делах. Макс наскоро перекусил, чем холодильник послал. Правда, все это могло подождать, и заказчик после обеда мог бы принять... Но раз сказал Насте, что работа есть – придется идти сейчас. А то получается, что солгал.

Собираясь уходить, домыл кружку и на ходу уже сунул ее в сушилку над раковиной. Вдруг дверца верхнего шкафа открылась и (как только Макс успел отпрыгнуть?) оттуда упал нож. С силой воткнулся в пол. Странно, как он там оказался? Макс положил его вчера в стол, в спальне. Он же прекрасно помнит. Сегодня не собирался брать его с собой – если вчера за ножом охота была, то сегодня, по логике, вряд ли снова полезут в квартиру – она уже была обшарена. Макс наклонился, с трудом вытащил нож из пола. Тот воткнулся необычайно глубоко – Макс такого не ожидал. Нож лег в руку, будто бы просил – «возьми меня с собой, а, хозяин, возьми». Макс усмехнулся такой мысли и сунул нож в карман.

Встреча с заказчиком прошла хорошо. Макс получил часть денег. Настроение повысилось. Он походил по магазинам, выбирая себе ноутбук для работы. Потом посидел в пиццерии. Времени до встречи с приятелем было много, ехать в разгромленную квартиру совсем не хотелось. Вернулась Настя или нет? Скорее всего, уже приехала. Макс купил для нее в киоске букет цветов, положил на заднее сиденье, рядом с коробкой с ноутбуком.

Голова снова начала болеть. Теперь уже не хотелось ехать в бар, а скорее бы домой. Но уговор дороже денег. Тем более, Витек, с которым Макс поддерживал хорошие отношения уже второй год, то идею подкинет, то даст наводку на заказчика. Макс не оставался в долгу. Возможно, и сейчас что-то ожидает.

Всю дорогу Макс был напряжен. Он никак не мог отделаться от мысли, что за ним следят. Какая-то синяя Мазда уже минут десять ехала следом. А может ему показалось? Макс упорно смотрел в зеркало заднего вида, наблюдая за сзади идущей машиной. На улице уже давно смеркалось, конец октября, черт его дери. Машины можно и перепутать. Голова немилосердно трещала и не давала спокойно мыслить.

Макс снова посмотрел назад и чуть не врезался впереди стоящую на светофоре машину. Нажал на тормоз в последний момент, в страхе, что его бампер сейчас поцелует багажник белой Ланчии. Мазда остановилась тоже.

Макс повернул налево, хоть ему туда и не надо было. Следом идущая машина прошла мимо. Показалось? Да, переполошился он не на шутку. Он объехал квартал и повернул уже в нужном ему направлении. Проехал по прямой и снова увидел Мазду. Синюю? Нет, в свете фонарей она кажется коричневой. Но машина продолжает путь за ним. У Макса начали сдавать нервы. Он припарковался возле какого-то магазина. Коричневая (или все-таки синяя?) машина тоже заехала на стоянку. Макс замер на сиденье. Из машины тоже никто не выходил. Она вообще не проявляла признаков жизни, прикрываясь тонированными стеклами.

Макс взорвался – он уже не мог выдержать неизвестности. Резко распахнул дверцу и стремительно сделал несколько прыжков к Мазде, на ходу доставая из кармана нож. Рванул дверь со стороны водителя. И застыл. Парочка влюбленных, только что усердно целовавшихся, в ужасе замерли, не решаясь кричать. Макс только сейчас заметил в своей руке нож. Проклятье! Он же не убийца, не грабитель! Покраснев от стыда, он бормотнул извинения и бросился к своей машине, сам испугавшись того, что с ним происходит.

Этого не может быть. Он не убийца! Этот нож каким-то образом стал его вечным спутником. Макс ведет себя как чужой человек. Все это абсолютно нетипично для него. Он нормальный современный интеллигентный парень. Порой даже слишком мягкий и уступчивый. Настя даже иногда журила его за это. Нет, она сто раз права – от этого ножа надо как можно быстрее избавляться. Продать за что дадут. Как и тот мужик, как его... Козлов, кажется.

С другой стороны, Макс не верил, что всему виной может быть какой-то кусок железа. Накрутил, тоже себе. Так недолго и в чертей с болота поверить. Вот Настя-то порадует. При этой мысли Макс рассмеялся. В затылке отдалось отбойным молотком. Да, все это от боли. Пройдет. А нож надо продать. Завтра пойдет и продаст. Решено. И Макс уже совершенно спокойно завернул на стоянку возле бара, где ждал его Витек. Чуть-чуть посидит и домой. «А нож лучше оставить в бардачке. От греха подальше» – подумал Макс и так и сделал.

Спустя пару часов он вышел из бара, вдохнул холодного воздуха полной грудью. В голове все еще стучали лесорубы, но уже не так громко. На небо выплыла луна, создавая дополнительное освещение в помощь уличным фонарям. Макс одернул куртку и направился к своему жигуленку. Но тут его ждало разочарование – машина была заперта со всех сторон чужими автомобилями. Макс плюнул с досады и чертыхнулся. Существуют же бессовестные водилы. Как их земля носит! Макс пнул по колесам подпершего его сзади Хаммера. Сработала сигнализация. Поорав какое-то время, она замолчала. Видимо, хозяин машины не собирался выходить из кафе. Макс попробовал еще раз обратить на себя внимание – тот же результат. Можно было, конечно, войти в кафе, найти водителя джипа и попросить его отогнать машину. Но для этого требовалось много энергии и большой запас терпения, а этого у Макса как раз не было.

До дома было идти меньше километра, поэтому он решил прогуляться пешком. Возможно, прогулка по ночному городу поможет ему избавиться от этой жуткой головной боли. Макс обнадеживал себя, что это обязательно поможет... Должно же что-то помочь... Он забрал из машины ноутбук и букет цветов. Клинок нарочно решил не брать – хватит им с Настей двух скандалов. Сегодня должно произойти примирение. Пройти нужно было мост через речку и несколько кварталов. А там, дома, его ждут таблетки и заботливая Настя. Макс представил, как она присядет рядом, ласково обнимет его голову руками. Ему даже показалось, что он чувствует тепло и запах ее рук. С внезапной грустью Макс вдруг вспомнил, что Настя сегодня еще не звонила. Как она там доехала? Он в который раз пожалел, что утром был так непростительно груб со своей девушкой. Наверное, целый день дуется на него. Макс набрал Настин номер. Он не гордый, попросит прощения, их мир снова будет обретен. Сейчас этого хотелось больше всего. Длинные телефонные гудки разочаровали его. Снова все происходило не так, как хотелось... Черт! Черт! Черт! Макс почему-то запустил руку в карман, торопясь почувствовать холод стали лежащего в нем ножа, но тут же вспомнил, что оставил его в машине. Глупое желание. Как будто тот мог успокоить его бессильное раздражение.

Макс шел по пустому мосту. Его шаги отдавались громким стуком прямо в затылке. Странно. Откуда взялась эта маленькая фигурка, сидящая на перилах моста? Макс мог поклясться, что минуту назад ее там не было. Согнутая спина фигурки почему-то вызывала щемящее чувство непонятной тревоги, предчувствия чего-то ужасного, но пока не свершившегося. Вдруг Макс перестал дышать – он отчетливо понял, что этот бедолага собирается броситься с моста вниз. Никогда раньше Макс не сталкивался с самоубийцами, только в кино, ну еще читал про них. Как вести себя с ними?

– Эй! Не вздумай! – крикнул Макс и сам испугался, когда фигурка резко повернулась в его сторону. А если он своим криком все только испортил, и парень непременно кинется вниз? Макс прибавил шаг, забыв про собственную боль, почти побежал: только бы не опоздать. Приблизившись, он смог разглядеть молодого человека: длинный, худой, вытянутое лицо. Глаза чуть скошенные книзу и слезы...

– Не подходи! – истерично взвизгнул парень.

Макс резко остановился, как будто ему стукнули по коленкам. Руки как будто одеревенели, он с усилием развел их в стороны, как бы показывая, что он безоружен. Зачем? Тот же не боялся нападения. Блин, как там в кино поступают в таких случаях? Только бы не испортить! Чувство реальности начинало ускользать.

– Подожди... – он сам удивился собственному противному и трескучему голосу и запнулся, не зная, что сказать дальше.

Парень с надеждой уставился на Макса, как будто ожидал от него чудесного спасения. Макс занервничал: от него сейчас так много зависело, а он до сих пор не придумал план действий. Что сказать? Как убедить его не прыгать? Макс облизал пересохшие губы, и медленно пошел к парню, как будто проверяя тонкий лед, продолжая ненужно растопыривать руки.

– Стой, я сказал! – заорал парень и заерзал на перилах, готовый тут же ухнуть вниз.

Макс снова затормозил. Его мозги от напряжения чуть не выпрыгивали из головы.

– Давай поговорим об этом, – он сказал первое, что пришло на ум и самому стало противно от банальности фразы. А все эти фильмы! Это как заученный код при нестандартных ситуациях вылезает из памяти сам собой.

Но парень как будто ждал именно этой банальной фразы. Он заплакал с новой силой, так горько, как только плачут обиженные дети.

– Зачем? О чем ты будешь со мной говорить!? Да и что со мной вообще разговаривать? Кто я такой? Я же – чмо! Неужели кому-то действительно интересно, что я чувствую?

Макс понял, что перед ним – затравленный человек, которого долго и с особым удовольствием унижали окружающие. Странно, обычно такие проблемы случаются в школьные годы, а тут... Макс прикинул. На вид парню было за двадцать, пограничная зона – двадцать пять. По крайней мере, Макс теперь знал, с чем имеет дело. Уже легче.

– Знаешь, меня самого в школе все время шпыняли, – сказал он, прощая самого себя за неправду. – Каждую перемену устраивали мне такие... головомойки... – и добавил для пущей верности: – В туалете запирали не раз... Я понимаю тебя...

– Да что ты говоришь? – Вдруг с издевкой спросил парень.

Максу даже как-то обидно стало: от тут пытается помочь, из кожи вон лезет, чтобы что-то придумать, а тот – издевается...

– Так, может, ты сядешь со мной рядом, а, чмошник? – Продолжал парень.

Макс чуть не задохнулся от возмущения. Зря связался с этим придурком. Похоже, он таким образом самоутверждается и прыгать совсем не собирался. Одно утешало – спасение самоубийцы отменяется.

– Давай вместе прыгать! Ты возьмешь меня за руку...

Тут парень засмеялся истерическим смехом и Макс понял, что рано расслабился. Вся возня с этим недоумком еще впереди. Удивляло одно: зачем ему, Максу это надо? Зачем вообще остановился? Шел бы дальше. Ну, сидел себе парень на перилах моста, и что? Вон сколько машин мимо проезжает. И ни одна не остановилась. Никто не подошел к парню и не спросил: «Эй, ты в порядке? Что ты надумал?» Никому не было дела до этого неприятного человека с его мелкими проблемами. Так почему же Макс не уходил? «Потому что ты не можешь уйти», – шепнул ему внутренний голос, и вдруг все встало на свои места. Макс обрел уверенность и спокойствие.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Какая разница?

Парень как-то сник, как будто эта вспышка ярости забрала его последние силы. Макс положил ноутбук на тротуар, букет – сверху.

– Я не думаю, что тебе стоит прыгать. Вода сейчас очень холодная. Но с этой высоты ты даже этого не почувствуешь. – Макс подошел к перилам и посмотрел вниз. Вполне спо-

койно, как будто и не собирался останавливать парня от прыжка, а просто интересовался высотой моста. – Ты когда-нибудь сталкивался с бетонной плитой? Конечно же нет. Так вот, удар об воду будет такой сильный, что ты переломаешь все кости. Возможно, ты останешься жив... но тебе будет очень больно. Боль будет такой сильной, что ты не сможешь ее терпеть, а только будешь скулить как собака. Нет, ты даже этого не сможешь. Тебе нужно будет бороться с водой. Двигать руками и ногами. А твои конечности откажут тебе в этом, они будут как тряпки болтаться на воде. Ты начнешь тонуть. В твой рот зальется холодная вода. И тогда... тогда ты захочешь жить!

Парень слушал внимательно и покорно. Слова Макса падали как зерна в благодатную землю и тут же отращивали длинный стержневидный корень. Макс и не подозревал, что умеет так уверенно говорить. Как будто кто-то подсказывал ему нужные слова. Парень слушал и Макс видел, как изменялось его настроение. Прошла истерика. Глаза наполнились смыслом. На душе у Макса стало так хорошо, как будто он спас от самоубийства не одного отчаявшегося человека, а по меньшей мере – целый город. Гордость за самого себя взметнулась крыльями за спиной. Дело, можно сказать сделано. Самоубийца передумал умирать. Теперь осталось только протянуть руку и помочь ему слезть с перил.

И тут все пошло не по сценарию. Видимо, парень очень долго сидел на перилах: замерз, или собственное горе сковало его тело... Пытаясь перекинуть ноги через перила, он слишком резко двинулся, соскользнул, ногами пополз вниз, запаниковал, стал цепляться за каменную стенку моста... Макс протянул руку. Секунда. И схватил только пустоту. Парень пролетел мимо его протянутой руки вниз. Макс так и застыл от ужаса непоправимого. Но парень еще не упал. Он ухватился за кусок арматуры, торчащий из козырька, выступающего внизу перил моста. Как он там держался, богу одному было ведомо. Счет пошел на секунды.

– Помоги, – попросил парень и тихонько заскулил.

Дальше Макс действовал как в замедленных кадрах. Четко и выверено. Быстро расстегнул свой ремень на брюках, пристегнул его к железному кольцу на перилах, с невероятной ловкостью перемахнул через парапет (в обычном состоянии Макс никогда бы не решился на такой поступок) встав на небольшой козырек внизу перил, он немного попружинил на носках, проверяя его прочность. Держась одной рукой за ремень, он присел и свободной рукой схватил парня за руку. Тот уже не скулил, а только судорожно дышал. Отпускать кусок арматуры он не собирался.

– Разожми пальцы! Я удержу тебя и подниму наверх, – заорал Макс и запоздало сообразил, что ремень их двоих ни за что не выдержит. Но эта мысль тут же выветрилась как ненужная в данный момент.

Пальцы парня разжались, но не потому, что Макс приказал, а просто силы закончились. Макс вдохнул воздуха в грудь и сделал неимоверный рывок, одновременно распрямившись на ногах. Парень поднялся в воздухе следом за ним и как новорожденный хватается за материнскую грудь, ухватился за край перил, вскарабкался на них как обезьяна, совершенно забыв про Макса. А тот, используя все свои резервы на этот рывок, стоял на козырьке, обессиленный. Рука, державшаяся за ремень, тряслась мелкой дрожью. Макс недоумевал, как он не порвался под их общим весом. Как вообще он сам смог поднять взрослого парня? Откуда взялись эти нечеловеческие силы? А теперь он висит как тряпичная кукла, не в силах уже подняться обратно. Макса всегда интересовало, когда он смотрел в фильмах, как какой-то человек в стрессовой ситуации взбирался на неприступные стены, или лез на большой высоте по шаткому бревну или трубе, как потом возвращался назад, когда адреналин заканчивался? Это почему-то всегда оставалось за кадром.

Максу было обидно погибнуть вот так глупо. Вроде, спас человека, а сам должен упасть на бетонную воду.

– Эй, ты долго будешь там стоять? – протянутая рука самоубийцы-неудачника помогла Максиму выбраться наверх.

Оба сели у подножия перил. Молчали.

– Спасибо, – вдруг вспомнил Макс.

– Тебе спасибо, – ответил парень, – Меня Генкой зовут.

Он протянул руку для пожатия. Макс засмеялся: «Еще не напужимался? Макс.» Стресс постепенно проходил, и головная боль снова напомнила о себе.

– Тебе есть куда идти? – спросил он.

– Нет, – беспечно сказал Гена. – С общаги меня поперли.

«Зашибись. Вдобавок ко всем приключениям, еще придется взять этого неудачника с собой». Тот как будто понял мысли Максима.

– Не переживай, я придумаю что-нибудь...

Его скошенные глаза стали наполняться привычным отчаянием. Макс испугался рецидива. И его собственный отважный поступок показался глупым и ненужным. «Мы в ответе за тех, кого приручили» – фраза маленького принца не давала ему покоя. Благородным нужно быть до конца. Макс достал телефон, позвонил Насте. По его понятиям, она должна быть уже дома. Но Настя не отвечала. Все еще сердится, – подумал Макс. Ладно, сама виновата.

– Пошли, – сказал Макс и встал.

– Куда, – не понял Гена, но тоже встал.

– Переночуешь сегодня у меня. А там посмотрим...

Гена скосил взгляд на букет цветов.

– Не стоит... ты не обязан...

– Хорош кокетничать. После того, что между нами сегодня произошло, это уже не нужно, – пошутил Макс и сморщился от накатившей новой волны боли в голове. Лишь бы доползти до таблеток...

– Голова болит? – пожалел Гена.

«Молчал бы, жалостливый! – проворчал Макс про себя, подхватывая коробку с ноутбуком и цветы – Если бы не ты, лежал бы сейчас на диване, обезболенный и счастливый».

Как он и предчувствовал, Насти не оказалось дома. Квартира встретила их тишиной. Хотя нет. Из темноты послышалось грозное рычание Барбоса.

– Барбос, свои, – успокоил собаку Макс и включил свет.

Но Барбос как будто не слышал слов хозяина, либо пропустил их мимо ушей. Всегда спокойная и миролюбивая собака в этот раз вела себя необычно для своего характера. Шерсть на загривке стояла дыбом, уши прижаты к голове, пасть ощерена.

– Барбос, ты с ума сошел? Говорю же, свои.

– Это он на меня так реагирует, – спокойно сказал Гена. – Они меня почему-то не любят. Собаки, я имею в виду. Бабушка в детстве говорила, что меня гиена родила, – трагическим шепотом добавил он.

Макса передернуло от злости на эту самую бабушку. Такое внушать ребенку? Понятно, почему его все избегают. Вырос изгоем.

– Чушь все это, – сказал он твердо и пошел в спальню за постельными принадлежностями для Гены. Остановившись возле их с Настей кровати, он на долю секунды задумался, какую подушку отдать: свою или Настину? Вроде бы, какая разница, но почему-то Макс не мог отдать Настину подушку чужому человеку.

– У тебя ремонт? – донесся до него голос Гены, удивленный беспорядком в квартире. Вот ведь любопытный попался.

– Ограбили. – Макс не хотел вдаваться в подробности.

– А-а... – протянул тот неопределенно – скорее всего, не поверил. Максу было все равно. Его больше заботил Барбос. Да сколько же можно лаять? Голова разламывалась от надрывного и слишком громкого тьяканья. Вдруг наступила тишина. Макс обрадовался и удивился одновременно. Схватил подушку и плед и подгоняемый любопытством, вышел к Гене.

– Где он?

Макс огляделся по сторонам. Собаки нигде не было видно, а Гена смотрел немигающим взглядом куда-то в район мебельной стенки. Оттуда послышалось тихое поскуливание.

– Ты женат? – вдруг спросил парень.

Макс собрал Настины вещи с кресла и только после этого ответил.

– Можно и так сказать.

Неизвестно почему, но Максу не хотелось говорить с ним о Насте. Просто она его девушка, а Гена – малознакомый тип. Кто он вообще? Вон как собаку под шкаф загнал. Уже не в первый раз Макс пожалел, что пригласил незнакомца переночевать у себя. Он отгонял неприятные мысли подальше, убеждая себя, что это всего на одну ночь.

– А она не будет возражать, что ты пригласил меня к вам? Она когда придет?

– Она завтра утром приедет, – сказал Макс, как бы уговаривая себя. – Ты есть хочешь? Рассольник еще остался...

– Я бы лучше что-нибудь выпил, – извиняющимся тоном ответил Гена, и тут же объяснил: – Стресс.

– Тут – облом. Спиртного в доме не держим.

Он положил на диван постельное белье и подушку.

– Если не будешь есть, то ложись спать. Я, пожалуй, тоже пойду.

Макс достал из аптечки таблетку спазмалгона и проглотил, запив водой из стакана, оставленного утром Настей. Почему-то опять полезли тревожные мысли: где она? Почему не отвечает на его звонки? И тут же поспешил себя успокоить: обиделась. Выжидает. Наказывает его таким образом. А сама у подружки...

– А часто у тебя голова болит? – Ворвался в его размышления голос Гены.

– Обычно не болит, а вот сегодня прямо с утра раскалывается, как будто предчувствуя, что вечером тебя встречу.

Макс не хотел говорить эти резкие слова, но они сами вырвались. Опять же, как и утром, он попытался оправдаться сам перед собой, что виной его раздражения – плохое самочувствие, теперь к нему присоединились отходняк после моста и беспокойство за Настю. Макс попросту устал и рефлексировать сейчас не собирался. Гена же наоборот, выглядел вполне бодро и на замечание Макса совсем не обиделся. Начал тут же раздеваться, оголяя свое довольно-таки накачанное тело. Макс поспешил отвернуться и сказал уже из-за спины: «Спокойной ночи».

– Да. Спокойной ночи, – Гена уже зевал.

Макс просто позавидовал его железным нервам. Сам же он был уверен, что полночи проворочается в пустой кровати, гоняя разные думы. Но к счастью, уснул он быстро.

Он бежал что было сил. Впереди маячила стройная женская фигурка в обтягивающих джинсах и короткой маечке. Настя. Она убегала от него. Смеялась и убегала. Иногда оглядывалась, как бы подзадывая. А его сердце сжималось от тревожных предчувствий. Он хотел крикнуть, чтобы она остановилась, хотел предупредить о чем-то страшном, чего сам не знал. Но и рта не мог открыть, как будто губы слиплись, а Настя смеялась и встряхивала копной золотистых волос. Страх и смертельная тоска сковали его движения. Он вроде пытался бежать, но ноги были как ватные. А Настя убегала. Она направлялась к лесу. А Макс каким-то тайным чувством знал, что там – опасность.

– Настя! Настя! – Макс метался во сне по кровати. И только старинные ходики на стене отсчитывали ритм времени.

Чей-то незнакомый женский голос окликнул его и Макс понял, что это все еще продолжается сон.

– Максим, будь осторожен, – сказал по-матерински ласковый голос.

Макс хотел обернуться, чтобы увидеть, кто с ним разговаривает, но его будто кто-то удерживал за плечи, не давая развернуться. Макс больше не сопротивлялся. Он почему-то был уверен, что эти руки и этот голос – «свои» и не причинят ему вреда.

И тут Макс почувствовал резкий толчок и понял, что проснулся. Он лежал в своей постели, ночь продолжалась. Стояла тишина. Макс был один, но никак не мог отвязаться от ощущения, что рядом кто-то присутствует и даже смотрит на него. Большей жути он никогда не испытывал. Он постарался прогнать панику, уговаривая себя, что это всего лишь разыгравшиеся нервы. Однако, когда он попытался встать, то ничего не вышло. Что за черт? Животный ужас продолжал охватывать его, проникая в каждую клетку, и вдруг голову пронзили острые вспышки боли, это совсем было непохоже на вчерашнюю мигрень, как будто кто-то совал свои пальцы к нему в мозги. Макс не мог ни пошевелиться, чтобы убрать эти пальцы, ни закричать. Такое ощущение, будто сон продолжался, но все было так реально. И тут как сквозь помехи в радио прорвался женский тревожный голос: Максим! Максим! Проснись!

И он проснулся. Голос продолжал звать его, но это уже был голос Гены.

– Макс, проснись.

Макс соскочил с кровати, еще не совсем придя в себя. Постепенно чувства реальности стали к нему возвращаться, и он понял, что находится у себя в квартире. Рядом – Гена. А он то что здесь делает? – не понимал Макс.

– У тебя телефон звонит, – оправдывался Гена, – уже полчаса, наверное, надрывается. Я даже проснулся, а ты не слышишь... Пришлось...

Макс не стал дослушивать, рванул к подоконнику, на который обычно клал свой телефон. «Это – Настя!» – пронеслась в мозгах радостная мысль. Но телефон лежал в немом отупении. Что за глупый розыгрыш? Он был как сдавленная пружина, которая вот-вот лопнет. Кулаки сами сжались, и он уже серьезно готов был прибить шутника. Но разум остановил. Сначала думай, потом делай. Макс взял телефон в руки: пропущенные вызовы от Насти. Целых 10 попыток! Как же крепко он спал, если не слышал ни одной из них? Макс тут же начал перезванивать. Но трубку не брали. Гена дышал за плечом и этим злил еще больше. Макс развернулся к нему. Гена глупо улыбался в темноте: «Не отвечает?» Так и хотелось оттолкнуть его. Но на том конце провода включилась связь. Наконец-то!

– Настя! Настенька, ты меня слышишь? Ты где?

Макс перестал замечать присутствие постороннего, полностью переключившись на другую волну. Но на том конце молчали. И это молчание убивало больше всяких глупых разговоров.

– Настя! Ну, где же ты? Отзовись!

Он поймал себя на мысли, что разговаривает сам с собой. Тупое отчаяние, предчувствие чего-то страшного, как невидимые тиски, охватило его. Постепенно в полной тишине на том конце он стал различать звуки, на которые раньше не обращал внимания – как будто хрустели сучья деревьев, потом он отчетливо услышал чавканье, будто кто-то бежал по жидкой грязи, или болоту... человеческое дыхание, частое, с подсвистом, как у загнанного.

– Настя! Настя! – как телефонист на коммутаторе, продолжал повторять Макс. То, что она находится в какой-то опасности, он понимал более чем отчетливо. Хотелось немедленно бежать, спасти любимую, но куда? Неизвестность просто разрывала. И вдруг среди полной тишины в телефоне заорал неестественный голос, прямо в самое ухо. Он не сразу сообразил, что это был Настин голос, так он был искажен от ужаса.

– Макс! Макс, помоги!

Послышался ее плач.

– Где ты?! Настя, где ты?!

Ноги вдруг подкосились, и Макс неожиданно осел на пол, продолжая спрашивать невидимую Настю, но в телефоне заикались короткие гудки.

– Нет, нет! Настя!

Прошло несколько секунд, пока он сообразил, что телефон попросту отключили. Он попытался еще раз перезвонить, нажимал кнопки, телефонная трубка на табло рядом с именем Насти делала вид, что вибрирует, но ответа не было. Макс так сильно прижимал телефон к уху, как будто от этого мог открыться невидимый портал, и он сможет пробраться через него к любимой.

– Не отвечает? – Словно издеваясь, снова повторил Гена.

Макс будто впервые увидел его. Опять мысль: почему этот человек здесь? И снова переключился на другое: что делать? Как спасти Настю? Он должен был давно начать ее поиски! Он должен был заняться именно этим, а не Геной! Но откуда ему было знать, что она попала в какую-то беду? В нем клокотала бессильная злоба, что он не может ничего сделать. Она там. Одна. Ей страшно. А он – тупо здесь! И хоть бы какой знак!

Что-то с Настей случилось, это факт. Макс не хотел думать о плохом, но фантазия уже включилась в игру и воздвигала версии одну страшней другой. Он поймал себя на том, что ходит кругами как загнанный зверь. Стоп! Только не сходи с ума! Из всего есть выход. Выход есть всегда. Надо только успокоиться и подумать. Куда поехала Настя? Она просила подобрать ее. Похоже, за город, потому что сказала: километрах в сорока. Это все что он знал. Макс запаниковал: никакой ниточки. За что зацепиться? Он клял себя за свою невнимательность. Почему не расспросил, не выслушал? Он был так занят своей головной болью, что все остальное было для него неважно. Вдруг всплыла в памяти ее дорожная сумка. До Макса только теперь дошло: Настя отправлялась не в увеселительное путешествие и не на один день. Как он мог все это пропустить? Тупая скотина! Но что толку сейчас ругать самого себя? Надо думать дальше. Какие еще есть версии? Настя могла поехать по какому-то заданию из редакции... Значит, сотрудники наверняка знают, где ее искать.

Макс принял решение, и удушающая тоска немного отступила. Когда знаешь, что делать, уже не мечешься бестолково из угла в угол, не рвешь нервы, голова проясняется, и начинаешь четко соображать. И появляется надежда. Надежда, что все образуется, все решится, все исправится... После принятия решения человек начинает жить снова в реальном, а не в выдуманном мире своих страхов. Он уже не плутает по лабиринту безысходности, а видит свет по ту сторону тоннеля.

Макс начал перебирать бумаги Насти. Его девушка держала все в порядке, бумажка к бумажке, папка к папке. Все подписано, аккуратно уложено. Грабители просто скинули папки на пол, при падении листки не разлетелись, все так же прилежно находились на своих местах – так хорошо были закреплены. Интервью, встречи, черновики статей... Все не то. Где-то был ее блокнот, куда она записывает расписание и назначенные встречи. Дома его нет. Значит, он или на работе у нее в кабинете, или она забрала его с собой. Задача номер один – попасть к ней в офис, и, если блокнот не найдется, – расспросить коллег о планах. Вдох-выдох. Уже внешне совсем спокойно открыл новый ноутбук.

– Что ты ищешь? – спросил голос за его спиной. Макс вздрогнул. О, господи, он совсем забыл про гостя. Гена участливо заглядывал через плечо, на страницу с контактами газеты, в которой работала Настя. – Я хотел бы помочь. Что нужно сделать? Ты только скажи...

Навязался тут. Макс испытывал и жалость и досаду одновременно. Не вовремя ты попался на моем пути, друг, совсем не вовремя.

– Ложись спать. Сегодня мы уже ничего поделать не сможем. Завтра с утра начну обзванивать сотрудников. – И, помедлив, добавил: – Спасибо за предложенную помощь.

И оторопел, когда Гена в ответ подмигнул.

Глава 3

Макс наскоро забил все номера в телефонную книжку. Времени – четыре утра. Начинать обзванивать сейчас? Наверняка приличные люди все спят. Наплевать. Не до церемоний. Он набрал первый номер. В кресле напротив сидел Гена и от нечего делать ковырялся в своих ногтях. Но упорно делал вид, что неприятности Макса его тревожат. Глаза такие участливые, а за ними – скука. С каким удовольствием Гена завалился бы сейчас спать, а вот приходится сидеть, «сопереживать». Макса это почему—то бесило. А в трубке – гудки. Он набрал второй номер. Отключено.

– Могу я что-нибудь сделать? – неуверенно спросил Гена.

И чего Макс на него так накинулся? Парень вообще левый, и Настя ему абсолютно никто. А все равно, не уходит, предпочитает хотя бы участием помочь. Максу обидно, что кто-то не переживает за Настю в достаточной мере? Как он сам, то есть? Это эгоизм, дорогой мой, вот что это.

– В полицию не будешь звонить? – Снова закинул удочку Гена.

– А что я им скажу? Накануне поссорились, уехала в командировку. Позвонила ночью? Ну так ответят – напилась. Найдут, что ответить.

Откуда он это знает? По телевизору показывают? Просто он до конца не хотел и не мог поверить, что произошло что-то настолько серьезное, что нужна полиция. Станный телефонный разговор с Настей, ее ужасные крики – все это он постарался выкинуть из головы. Наверняка всему есть логическое объяснение. И сейчас он не будет даже об этом думать.

Макс решительно поднялся. Ждать не стоит. Нужно выезжать прямо сейчас. В редакции должен быть свой ночной сторож. По дороге будет снова звонить и звонить, пока кто-нибудь не откликнется. Или силой заставит сторожа открыть дверь. Макс пошел в коридор, Барбос, виляя коротким хвостом, посеменил следом. Гена тоже не отставал.

– Я – с тобой.

И решительность на лице появилась. Похоже, и тому легче действовать, чем выжимать из себя сочувствие. Но Макс был против. Не хотелось брать этого человека с собой. Не нужна ему сейчас была обуза, только не сейчас.

– Я быстро, в редакцию и обратно. А ты выгуляй Барбоса. Он, видимо, уже пообвык к тебе. Ключ на гвоздике возле двери. Приду, все расскажу.

И Макс закрыл за собой дверь, как отрезал дальнейшие расспросы. Последнее, что он видел – растерянный взгляд Гены. Из-за двери тут же послышалось жалобное поскуливание Барбоса. Сердце Макса сжалось, как будто оставлял пса на растерзание. «Ничего, потерпи, родной, скоро мы все снова будем вместе. Совсем скоро... Еще немного...» – приговаривал Макс, спускаясь по лестнице. Будто Барбос мог его слышать.

Еще час ушел на то, чтобы добежать до машины, добраться до редакции, дозвониться до нужного человека, уговорить сторожа открыть. Макс лихорадочно обшаривал Настин стол. Еще по дороге в редакцию вспомнил, как Настя не так давно рассказывала ему про какую-то женщину, написавшую письмо в их отдел. Она собиралась поехать к ней в деревню, взять интервью. Видимо, туда и отправилась. Как называлась деревня, он, хоть убей, не помнил.

Первые два ящика были заняты модными журналами, косметикой. Были в них кулек с сахаром, пакетики чая, кружка и даже расческа. Макс дернул за ручку нижнего ящика. Не выдвигается. Почему? Закрыто на ключ. Как открыть? Макс взял со стола ножницы, ковырнул лезвием в верхнем створе, пытаясь поддеть хлипкий замочек. Не поддается. Он со всей силы затряс непослушный ящик и вдруг испугался, что на шум прибежит сторож и выгонит его. Как же взломать замок? Шпилькой, невидимкой, скрепкой? Макс схватил карандашницу,

перевернул ее, на стол посыпались ручки, карандаши, степлер, точилка... Ни одной скрепки. Но зато среди всей этой канцелярии Макс увидел маленький ключик. Вложил в замочную скважину – подошел. Перерыл весь ящик, но ничего дельного не нашел – договора, зарплатные листы и все такое. Макс почти отчаялся и вдруг заметил на подоконнике, рядом с цветочным горшком, лежащий пухлый ежедневник. Взял его в руки. Книжечка была довольно кокетливой. В ней были записи, сделанные Настиной рукой.

Там обнаружилось много чего. У Насти каждый день был плотно расписан. Надо же. А Макс никогда не считал ее работу чем-то серьезным. Чего там делов – написать статейку про зеленых человечков? Даже подозревал, что большее количество времени она проводит, сплетничая за чаем с коллегами, или просто сидит в кафешках с чашкой кофе, развлекаясь наблюдением за городом (даже не в социальных сетях). А вот надо же как. Пчелка ты моя трудолюбивая. В ежедневнике Макс нашел и письмо, вложенное между страницами. Письмо было из деревни Савельево от некой Елизаветы Бурдюковой. Макс открыл в телефоне навигатор, нашел эту самую деревню, все сходилось. Савельево – где-то в минутах сорока пути от города.

Он сунул ежедневник сзади за ремень, как суют пистолет в американских кино и вышел в утреннюю темноту города. Солнце вот-вот встанет. Пока едет – успеет проснуться эта Елизавета Бурдюкова. Действие таблетки стало проходить, и голова снова заболела. Боль молотком застучала по вискам. Макс, морщась, сел в машину, сунул ключ в замок зажигания, и тут на него накатила волна тошноты, голову закружило как на каруселях. Макс выпрямился на сиденье, наивно полагая, что так состояние улучшится. Он, не мигая, глядел перед собой, стараясь прогнать наваждение. Ему казалось, что симптомы того непонятного состояния, когда он потерял сознание ночью, в собственной кухне, снова повторяются. Нет, только не это, – с ужасом подумал Макс. Новый приступ боли, еще сильнее, чем накануне утром, буквально скрутил его. В голове стучало, пол уходил из-под ног, в ушах звенело. На этот раз слов не было, но зато пришел страх, что он так и умрет в машине от кровоизлияния в мозг, и никто не догадается, что человек уткнулся лицом в руль не потому что напился, а от невыносимой боли. Чувство самосохранения подсказывало ему, что нужно немедленно выбраться из машины и как-то дать людям знать о себе. Макс попытался двинуться с места, но все тело было тяжелым и неповоротливым.

– Помогите, – крикнул Макс, но услышал только тихий всхлип.

Вот попался! Машина словно стала для него ловушкой. Макс старался прогнать панику и сосредоточиться. Необходимо что-то придумать. Надо двигаться, во что бы то ни стало – другого выхода нет. «Давай, давай, – мысленно уговаривал он себя, заставляя непослушные пальцы нажать на ручку двери. Как смешно: такое обычное движение, а стоит больших усилий. «Открывайся, открывайся», – подгонял себя Макс. Бум, бум – грохотало в голове. Терпеть было просто невозможно. Только не захнычь, – уговаривал себя Макс. Дверь наконец-то поддалась человеческому упорству и открылась. Макс, навалившись на нее всем своим весом, выпал из машины с глухим шлепаньем, как новорожденный теленок из коровьей утробы и в это время в голове как будто произошел взрыв.

В глаз ударил яркий луч света. Макс судорожно дернулся и открыл глаза. Прямо перед ним сидел неизвестный мужчина и светил ему прямо в зрачок небольшим фонариком. Первым желанием Макса было убрать от себя этот бьющий свет. Он оттолкнул руку с фонариком. Мужчина оказался доктором. Увидев, что больной пришел в себя, улыбнулся и выключил свой прибор. Макс повел глазами по сторонам, соображая, где он, и что с ним случилось. Он находился на улице, лежал возле своей машины. Сочувствующие голоса нахлынули, как звуки прибывающего поезда, и Макс увидел вокруг себя толпу любопытных зевак. Кто-то радостно констатировал: «Пришел в себя». Макс попытался сесть, но врач его остановил: «Не так быстро.

Мы сейчас положим вас на носилки». Две пары рук потянулось к нему, собираясь выполнить угрозу доктора.

– Мне нельзя в больницу, – возроптал Макс, сопротивляясь рукам, насколько позволяла его большая голова.

– Вам нужно пройти полное обследование, – настаивал врач.

– Что со мной?

– Точно не могу сказать. Я не рентген. Но по вашим симптомам может быть все что угодно: от сотрясения, до опухоли мозга.

Максу стало не по себе. Этого еще не хватало. Тем не менее, лечь в больницу он не собирался. А Настю кто вместо него будет искать? Макс снова попытался сесть, но боль заставила его сморщиться.

– Я отказываюсь от госпитализации, – простонал он, – потом... возможно...

– Вы не понимаете, – настаивал врач, – с мозгом нельзя шутить.

– Да в порядке я. Просто болит голова. Дайте мне обезболивающее, и я поеду дальше.

– Я не могу отпустить вас, вы не в себе, вам нужна срочная госпитализация, – заартачился доктор.

Макс схватил его за отвороты халата и зашипел прямо в лицо: «Сейчас вам понадобится госпитализация! Сказал же: в больницу не лягу. Это мое право. Подпишу любые бумажки».

Доктор с обиженным видом открыл свой чемоданчик, доставая шприц и ампулу с лекарством. На этот раз молча. Народ вокруг заволновался – им не понравилось поведение человека, которому пытались спасти жизнь, но Макс и на них рявкнул: «А вы расходитесь. Цирк закончился». И уже тише добавил: «Спасибо тому, кто скорую вызвал».

Уже по дороге в Савельево Макс размышлял над словами доктора. Голова, благодаря обезболиванию, просветлела и могла здраво соображать. Он пытался связать все ниточки в одну логическую цепь: возможно, доктор был отчасти прав. Где же он мог получить сотрясение? Он нигде не падал. Если считать за версию, что он ударился, когда, не помня себя от боли, выпал из машины, то тут была несостыковка. Проблемы с головой начались у него задолго до этого. А если быть точнее, то вчера утром. И тут Макса осенило: удар, действительно, был. Но не снаружи, а от внутреннего взрыва под черепной коробкой. Ерунда какая-то. Получается, что он получил сотрясение мозга от непонятных голосов в голове. Главное, никому об этом не рассказывать. А в первую очередь – Насте, которую он очень скоро найдет. Макс верил в это. По крайней мере, заставлял себя верить. Сколько же у него накопилось секретов, пока ее не было.

Елизавета Бурдюкова доила корову, когда услышала стук в дверь сарая. Кто-то вошел в калитку, видимо, побывал дома и, никого не найдя, прошел на задний двор. Кто это такой нетерпеливый?

– Елизавета Андреевна, вы здесь? – Позвал голос.

В дверь заглянул молодой человек, не особо примечательной интеллигентской наружности, но вполне симпатичный. Елизавета видела его впервые. Он не заметил ее за коровой, снова пропал.

– Эй, – крикнула она. – Если надо чего, жди на дворе. Скоро управлюсь.

Елизавета продолжала доить, дергая за тугие соски коровы, и все больше хмурилась – не нравилось ей последнее время участившееся к ее персоне внимание. А что делать? Ладно, хоть милиция перестала ходить. Толку-то от нее было...

Макс стоял во дворе, на дорожке из кирпичей, когда-то давно любовно выложенной, а теперь почти полностью провалившейся в землю. Он оглядывался вокруг, ковыряя носком ботинка один из кирпичей. Такое впечатление, что здесь раньше жили хорошо, ухаживали, строили, надстраивали. Потом все пришло в упадок, обветшало, и только в последний год снова

начали приводить в порядок – то там, то здесь были заменены сгнившие доски, крыша дома была новая, перекрытая, какой-то сарай начали разбирать, складывая доски в одну аккуратную кучу... Зачем он все это рассматривает? И почему он не вытащил эту тетку из-под коровы, а ждет тут уже давно – на улице близко к нолю, ноги стали подмерзать. Где его Настя? Он надеялся, что где-то в тепле. Боже, пусть она будет в тепле.

Наконец, Елизавета вышла, неся полное ведро молока. От молока шел пар. Елизавета сказала «пошли», но в глаза смотреть избегала. Макс пошел за ней. Он думал, она пригласит его в дом, но тетка остановилась на пороге, поставила ведро и стала ждать, что скажет незванный гость.

– К вам вчера девушка приезжала...

Он не успел договорить, баба резко прервала его:

– Никакой девушки у меня вчера не было.

– Вы даже не дослушали...

– А чего мне слушать, если все равно никого не было.

Баба подхватила ведро и собралась уже зайти в дом. Макс преградил ей дорогу.

– У меня есть доказательства, что она вчера собиралась к вам. А ночью она звонила... –

И резко переменяет тон: – Помогите ее найти. Это моя невеста.

– Ищи свою девушку в другом месте. Пропусти.

Под ее взглядом Макс невольно посторонился. Она врет, он точно знал, что она врет. Быстро бегающий взгляд, нежелание слушать, будто уже заранее готов ответ. И этот ответ: «нет». Но что ему было делать? Он потоптался на пороге. Она выкрикнула ему из-за двери: «У меня сосед – участковый, я позвоню ему». Он спустился с деревянного крыльца в две ступеньки, вышел со двора. Медленно пошел к машине, сел, но не заводил, раздумывая, что делать дальше? Участковый вряд ли был соседом – это Бурдюкова придумала. Но как вытянуть из старухи признание?

Ему вдруг послышался какой-то скребущий звук. Будто кто-то водит ногтем по дереву, привлекая внимание кошки. Кто-то надумал поиграть. Макс обернулся в поисках источника звука. Но что он хотел увидеть? Кого найти? Улица пустынна, только вдалеке в тумане, внезапно упавшем на деревню, кто-то ведет корову, погоняя прутиком. Уходит туда, в белое марево и частями исчезает в тумане. Звук не исчез вместе с фигурой, а наоборот, еще живее напомнил о себе. Он был не извне, а внутри машины. Макс обернулся на заднее сиденье – если какой-то проказник вздумал шутки шутить?... Никого сзади не было. А вот занавеска на окне Бурдюковой вздрогнула – та следила за Максом. Конечно, можно выпроводить со двора, но не с улицы. Его бездейственное ожидание явно давит ей на нервы. Может, правильно, что он сидит?

Шебуршание повторилось. Макс вдруг резко вышел из себя, психанул на невидимого игрока. «Эй! Прекратите! Сейчас же!» – крикнул он неизвестно кому и сам напугался своего голоса, прозвучавшего в закрытом пространстве машины и в полной ватной тишине оглушительно. Звук повторился, Макс уловил место, откуда скребли. Бардачок? Он резко открыл дверцу. В нем лежал нож, совсем забытый в тревогах последних событий. Макс достал его. Хмыкнул. Нож как влитой лег в руку, будто стал ее продолжением. Он – капитан Крюк, с ножом вместо железного крючка. Создавалось впечатление, что нож стал неотъемлемым атрибутом его жизни, так было всегда – нож-крюк, и все это так естественно. Абсолютно ничего необычного. Макс вытянул руку, любуясь ею. Клинок был матовым, в нем отражался туман. И сквозь пелену Макс видел белое как береста лицо женщины. Бурдюкова уже не скрывалась, она была в окне, и глаза ее были прикованы к Максусу.

Макс выскочил из машины, толкнул ворота, преодолел кирпичную дорожку в два прыжка, стукнул плечом дверь дома. Влетел внутрь, и запнулся о высокий порог. Пытаясь сохранить равновесие, выбросил руку вперед, и нож едва не воткнулся в грудь застывшей Бур-

дюковой. Макс успел отвести руку, сделал по инерции шаг влево от женщины, еще один, и тогда уже выровнял равновесие и остановился. Женщина не двигалась, смотрела на нож. С ужасом и трепетом. Макс даже стало стыдно – он не хотел никого пугать, а получилось так, что он пришел сюда угрожать ей оружием.

– Извините, – пробормотал он и убрал нож в карман.

Бурдюкова выдохнула и пожала плечами, без особых эмоций.

– Что вы от меня хотите?

Макс достал телефон и выудил из галереи фото Насти, протянул Бурдюковой. Она приняла, посмотрела на фото и вернула со словами:

– Да, она была у меня, но на прошлой неделе.

– Нет, вы что-то путаете. Она была у вас вчера! Она собиралась взять у вас интервью. Ну же, вспомните!

– Молодой человек, у меня пока с головой все в порядке, – сухо ответила женщина, – и врать мне нет никакого интереса. Она приезжала в прошлую среду. Расспрашивала про тур по Кузьминским болотам.

Максу стало нехорошо. Похоже, что Бурдюкова не врала. Выходит, врала Настя. Как же он проморгал этот момент? Говорила, что ездила на корпоратив, а сама... что еще он не знал о Насте? Женщина заметила состояние Макса, немного смягчилась, жестом пригласила его присесть за стол.

– Вы тоже из газеты?

– Нет. Я ее жених, я говорил. Зачем она приезжала к вам?

– Я написала письмо, уже давно. Пропал мой муж. Он здесь работал лесником. Двадцать лет отработал, эти места знал, как свои пять пальцев. Глаза завяжи ему – и то бы домой пришел. Не мог он заблудиться. Да и ружье с собой всегда носил, с диким зверем справился бы. А вот однажды не явился. День-два, десять...

– Полиция его искала?

– Конечно. Но мне кажется, и не искали они, так, для отвода глаз прочесали разок. А леса-то вон они какие широкие, и болота Кузьминские...

«Болота, снова эти болота...» – тоскливо отметил про себя Макс.

– Вот я и решила газету подключить. Чтоб менты шевелились. А приехала эта девочка и все про тур давай спрашивать, да про болота. Что знала, то и сказала. Семен мой, мужик немногословный был, не выпивоха. Лес сторожил. Забурится, бывало, на неделю куда на делянку... А примерно год назад приехал Вадька Козлов. Да деловой такой. (Макс насторожился – еще один знакомец в деле объявился). Как начали они с Вадькой водить экскурсии по болотам, так Семен изменился сильно, пить стал. Но и деньги завелись. А я его уже часто и не видела. Про дух нечистый все мне говорил.

Макс сразу вспомнил замененные доски на сарае. В духа он не верил, а вот деньги могли мужика сильно изменить. Лишние деньги, тем более. Бурдюкова и сама все подтвердила:

– Но я-то знаю, что это их с Вадькой придумки, на моих глазах все сочинили.

– Вадим Козлов, это кто? – Макс решил уточнить. Понял, что разговор шел именно о позавчерашнем Настином знакомце, который продал ему нож, но что о нем Бурдюкова скажет?

Бурдюкова потянулась и достала с шифоньера альбом. Открыла, не выбирая – на развороте была шикарная старая черно-белая фотография – двое мужиков при полной охотничьей амуниции гордо стоят, поставив одну ногу на убитого лося. Но не настолько старая фотография, чтобы не узнать вчерашнего фигуранта.

– Дружок его с детства. Пропадал где-то, объявился да прямиком к Семену. Вот они придумали этот тур для... – Она на секунду замялась и выдала непривычное ей слово: – Экстремалов. Все иностранцев, охочих до приключений, заманивали. Иностранцы – сытые, с жиру

бесятся. Пляжи с песками уже им не в радость. Семен с Вадькой все какие-то байки про леших придумывали, чтобы туристов привлечь. Вадька, тот хорошо истории сочинял. Кровь леденела в жилах. Думаю, они там одного местного дурачка подговорили рассказывать будто он видел нечистую силу. Иначе, не будет интереса у людей. Народ тогда валом к нам повалил. Вот и доигрались.

– И давно пропал ваш муж?

– Так, нынче летом. Больше двух месяцев прошло. Мне еще их турагентство, через который они свою прогулку устраивали, «Аризона», зарплату его должна была выплатить. А не выплатили. Я звонила, требовала, а мне сказали, что уволился он. А куда поехать, чтоб дела добиться? В интернете они нынче все. Даже не знаешь, к кому и пойти.

– Вы все это Насте и рассказали? Что-нибудь еще?

– Да нет, больше-то и нечего.

Бурдюкова совсем разговорилась, такая добродушная, открытая на вид. Не хватало еще только пирожков и парного молока. Но он-то помнил, что еще полчаса назад она не хотела его принимать. Он полез в карман, достал нож и положил перед собой на столе. Лицо Бурдюковой снова перекосило, как от боли.

– С вами все в порядке? – участливо спросил Макс.

– Откуда он у вас?

– Купил... по случаю. Он вам знаком?

– Семен с Вадькой нашли его на болоте. Прямо перед самым своим исчезновением. Дня за два, наверно.

– Да, я купил его у Козлова, – подтвердил Макс.

– Значит, жив Вадька? А то пропал, не являлся ко мне. Я уж грешным делом думала...

– Что тоже погиб? – закончил вопросом Макс.

Взгляд Бурдюковой вдруг стал таким злым, вокруг рта собрались складки и побелевшие губы стали почти не видны.

– Ножик-то миллионы стоит. Думала, убил Вадька моего мужа из-за ножичка, чтоб одному ему деньги достались. Закопал где-нибудь в лесу. А теперь вижу, зря я на него. Не мог ты заплатить столько. Не из богатых ты.

– Поэтому и на нож так смотрели? Думали, что я убил Козлова?

– Ничего я не думаю. Мне уже все равно. А ножик убери. Нехорошо мне от него. Дурной он. И сам уходи. Не знаю я, куда твоя девица делась. Ушла она от меня. На остановку пошла – это я видела.

Больше ничего от Бурдюковой добиться не получилось, какие хороводы вокруг нее Макс не водил. Ну что ж, что получил, – уже кое-что.

Он вышел на улицу. Туман почти полностью рассеялся и в дырке облаков показалось неяркое солнце. Ниточку он уцепил. Сейчас нужно найти Козлова. У Насти в блокноте был его телефон, но оказалось, что такого абонента не существует. Поедет по адресу. Макс повертел в руках клинок, даже погладил его рукоятку и снова положил в бардачок – там он сохраннее. Миллион, значит, стоит? Все может быть. Это уже не важно, Макс больше не собирался его продавать. Ни за какие деньги. А Настю он найдет. Он чувствовал, что теперь она в тепле. Он не знает где, но чувствовал – она успокоилась.

Глава 4

По дороге назад, Макс все думал о том, что рассказала ему Бурдюкова. Тур по болотам. Обычный бизнес и никакой мистики. Это как-то успокоило, потому что он терпеть не мог того, чего не мог объяснить, что не укладывалось в его привычные рамки. Скорее всего и Настя так же отправилась вновь к Козлову, чтобы побольше узнать об этом туре. Лично он сделал бы то же самое. А что же было тогда по телефону? Настя реально напилась в каком-нибудь баре и теперь отлеживается у той же подружки. А что означали остальные звуки? Ерунда, плод его воображения. Просто это все от головной боли – опять вернулся к излюбленной в последнее время отговорке Макс. Он инстинктивно потянулся в бардачок за таблетками. Они же еще вчера кончились. Оказывается, он сам не заметил, как выпил всю упаковку. Немудрено, что его преследуют какие-то галлюцинации.

Макс посмотрел на часы – предположительно по времени он уже должен был добраться до города. Но лес по обочинам никак не хотел заканчиваться. После небольшого дождя вновь спустился туман, по-осеннему плотный. Дороги почти не было видно. Макс сбавил скорость до минимума, ехать приходилось почти наощупь. Иногда из тумана выныривал слепящий свет фар редких проезжающих мимо машин. Когда же появится город? Вот вроде показались одиноко стоящие домики деревенского типа. Слава богу – городская окраина. Но домики кончились, а многоэтажные здания и не думали появляться. Что за ерунда?

Медленная езда, тихая музыка из радиоприемника и бессонная ночь накануне делали свое дело – Макса начала одолевать сонливость. То и дело он клевал носом, сильно тер глаза, шлепал себя по щекам, но следующую секунду глаза снова закрывались. Нет, так не пойдет. Он притормозил на обочине. Немного свежего воздуха поможет прийти в себя.

Он вышел из машины, обошел ее вокруг, проверил колеса. Холодно и сыро. Поежился, попрыгал, прогоняя остатки сонливости. Интересно, где он находится? Туман был настолько густым, что если отойти на пять метров от машины, то и ее, наверное, не увидишь. Макс побоялся отходить – вдруг потеряется? Вот смеху-то будет – заблудился в трех соснах! Он уже собирался снова сесть за руль – пора было ехать дальше, как из тумана показались очертания человеческой фигуры. Макс заинтересованно остановился. Фигура шла прямо по трассе. Она направлялась к нему. Это была женщина, в каком-то длинном то ли плаще, то ли платье. На голове была летняя шляпка. Совсем не по погоде оделась дамочка. Женщине было примерно лет 40—45, довольно-таки красивая. Она остановилась возле Макса, внимательно-ласково посмотрела на него, склонив голову набок.

– Здравсьте, – сказал Макс, чтобы чем-то заполнить неловкую паузу.

Женщина продолжала молча смотреть на него, улыбнулась. Вниманию Макса привлек кулон на ее шее – остроконечный, металлический, наверное, тяжелый.

– Я в город. Вас подвезти? Довольно холодно, – зачем-то добавил он.

Женщина кивнула, непонятно с чем соглашаясь. Макс распахнул перед ней переднюю дверь машины. Но женщина села сзади. Макс подумал, что ручка на той двери никогда раньше не открывалась, еще с прежнего хозяина – Макс все хотел ее отремонтировать, но никак руки не доходили. Он сел за руль, оглянулся назад, спросил удобно ли даме сидеть. Та опять кивнула. Удивительно, но молчание женщины никак не раздражало Макса, как будто он понимал ее без слов. Поехали.

Макс завел разговор о нынешних городских новостях, о политике, о мировых проблемах. Зачем он это говорил? Интересно ли это женщине, сидящей у него за спиной? Макс не задумывался об этом – он просто болтал, заполняя пространство, и молчание женщины успокаивало его. Он почувствовал, как ее руки касаются его головы, но даже не возразил и не изменил положения рук, лежащих на руле, продолжая свой одинокий монолог. Женщина погладила

Макса по лбу и по макушке, принося этим какую-то легкость, затем спустилась к шее, проводила какие-то манипуляции и там. Макс не удивлялся, как будто это в порядке вещей, что какая-то незнакомая сорокалетняя дама трогает его за шею. Наконец, женщина убрала руки, а Макс почувствовал на своей шее некоторую тяжесть, как будто на нее что-то повесили. Но он тут же забыл об этом. Незнакомка уже приехала. Он остановился. Женщина вышла, Макс попрощался с ней и поехал дальше, даже не посмотрев, куда она уйдет. Макс ехал и постепенно до его сознания стала доходить музыка из радио, которой раньше он не слышал. Эта женщина что-то изменила в нем. Что? Мысль крутилась в мозгу как назойливая муха, которая вроде и рядом и не поймать. И вдруг до него дошло – голова перестала болеть. Совсем. Макс переворачивал в памяти встречу с этой женщиной. Он отчетливо все помнил, каждую секунду, но не мог объяснить свое поведение. Опять мистика какая-то! В последнее время она окружала его везде. Только вроде Макс уложил в голове предыдущие непонятные события и опять новые загадки! Он протянул руку к шее – на ней висел остроконечный кулон.

Макс шел по адресному указателю на листочке, разыскивая дом Козлова, почему-то ему казалось, что именно там он узнает все, что ему нужно, там все разгадки и Настю он найдет сразу, как только побывает у Козлова. Временами выскакивало куда-то глубоко загнанное в его сознание сомнение, но он безжалостно заталкивал его обратно.

Телефон Насти по-прежнему не отвечал, а подружка уверяла, что Настя к ней не заходила с позавчерашнего дня.

Дверь ему открыла пожилая женщина с седыми кудряшками. Когда она узнала, к кому пришли, сразу начала реветь, причитая как старухи-плакальщицы на похоронах:

– Нету Вадима, на том свете он.

Макс опешил. Два дня назад он с ним еще разговаривал... Как же так?.. Он видимо, не так расслышал.

Тетка утерла слезу:

– С собой покончил, из окошка выбросился, на спину упал. В милиции сказали: следов насилия нет. Сам прыгнул...

Макс не сразу нашел, что и сказать, настолько выбила из колеи новость.

– Расследование было?

– Так нет чужих следов. Сам он. И кто его знал, все говорили, что того он был последнее время, – женщина повертела для наглядности пальцем у виска.

Макс, конечно, не назвал бы Козлова абсолютно нормальным, но и сбрендившим тоже язык не повернулся бы назвать.

– А вы кто ему будете? – спросила вдруг женщина, насторожившись.

– А я из «Аризоны» – соврал Макс после паузы. И понял, что попал в точку, когда женщина как-то сразу скисла:

– А не знаю ничего я про эти дела. В магазин мне надо, капусту купить.

Она быстро поднялась с дивана, где они так уютно беседовали, давая понять, что разговору – конец. Опять, в который раз, никто не хотел говорить на эту тему. Это еще больше подстегнуло Макса.

– Сядьте, – жестко сказал он. Его начинала утомлять эта игра в недоговаривания и вытаскивания из людей правды как клещами. – Кто он вам? Муж, брат, сват?

– Брат, – пролепетала женщина, обескураженная напором.

– Так вот, ваш брат – вор и убийца!

Макс был уверен, что всякая ложь в поисках истины вполне извинительна. Сейчас ему было необходимо узнать правду любыми путями. И ему уже было, если по-честному, напле-

вать, что будет думать эта женщина с седыми кудряшками. Сестра Козлова задрожала, как будто ей к виску подставили пистолет.

– Эта квартира будет опечатана и конфискована. Вам не достанется ни метра! – добавил Макс жестко.

Та так и села обратно на свой диван, снова разревелась.

– Ну? – рявкнул Макс, уже совсем вжившись в роль плохого полицейского.

Женщина подпрыгнула на месте, испуганно покосилась на Макса и побежала к шкафу-чику, достала потрепанную толстую тетрадку.

– Вот тут у него вся бухгалтерия. Он сказал, что это с работой связано, компромат на «Аризону».

– Зачем она мне? – рассердился Макс, тряхнув тетрадкой, забыв, что по его версии именно этого он и добивался.

– Я не знаю, – запищала сестра Козлова и захлопала покрасневшими глазами. – Я больше ничего не знаю!

И это было похоже на правду. Макс взял тетрадь – что ему оставалось делать? И пошел восвояси. Недоумевая на самого себя, что он здесь хотел услышать про Настю? Похоже, это был ложный след. Но что же теперь-то делать?

Он сидел в машине и тер виски. Не потому что болела голова – боль прошла и не возвращалась, а чтобы как-то активизировать работу мозга. Мозг работать отказывался и norовил отключиться. У Макса было почти реалистическое ощущение, что скоро просто-напросто выбьет предохранительные пробки. Он перелистал Настин ежедневник, позвонил по паре номеров, но что спрашивать и чего добиваться – он не знал. Что-то мямлил в трубку, спрашивал, не видели ли Настю. Подруге, у которой Настя ночевала позавчера – тоже еще раз позвонил. Но только заставил девушку саму волноваться.

Макс завел машину и выехал с парковки. Сзади ехавшая машина едва успела увернуться от столкновения. Дикий вой клаксона и средний палец водителя. Наплевать. Макс поехал в ближайший к ним полицейский участок.

Убив на все про все два с половиной часа, он так ничего и не добился. Как и предполагал, в полиции над ним посмеялись, накидали версий исчезновения Насти. Но ему было уже все равно. Он тупо добивался, чтобы заявление приняли. Они не имеют права не принимать! Они обязаны!!! Он готов был орать и крушить мебель, но слава богу, этого не понадобилось. Бюрократическая машина со скрипом, но заработала. Дежурный принял заявление, подал для заполнения форму, куда Макс записал приметы, время пропажи. Распечатали даже фото прямо с телефона – бумажного варианта у Макса не было. Насмешки и ужимки полицейских его не трогали – пусть, если им так легче, главное, чтобы искали. По крайней мере, информация должна была уйти в бюро регистрации несчастных случаев. И обещали прислать следственно-оперативную группу для снятия отпечатков, расследования исчезновения, возможных следов борьбы. Макс знал, что борьбы никакой не было, а вот то, что в предыдущий день их квартира была ограблена, сыграло свою роль. (Улыбки, кстати, сразу исчезли). Расспросят соседей... И возьмут зубную щетку. Макс ошарашенно спросил – «а зачем щетку?», ему деликатно ответили: «для последующего возможного опознания, если человек (не дай Бог) найдется в неузнаваемом состоянии». Макс предпочел дальше не спрашивать.

Вышел из душного помещения с талоном-уведомлением в руках и понял, что больше он ничего сделать не сможет. Он бессилен. Он – выжатый лимон.

Гена встретил Макса в прихожей. На нем был Настин фартук, в руках – кухонный нож, а из кухни неслись соблазнительные запахи еды. Макс вдруг понял, что давно не ел.

– Ну как съездил? – мягко спросил Гена, как самая заправская жена.

Все понятно, Настя не возвращалась. Глупая была надежда. Макс устало сел на табурет в прихожей, разулся.

– Ты какой-то молчаливый сегодня, – обиженно сказал Гена. – Иди, я борщ приготовил.

И ушел на кухню. Макс все никак не мог понять, когда, с какого времени у них установились такие близкие отношения? Но думать сегодня он устал и поплелся за Геной.

Борщ был вкусный – Настя таких готовить не умеет. В лучшем случае сварит что-нибудь из полуфабрикатов. Гена рассказывал, как он выгулял Барбоса, заглянул к ним в холодильник и понял, что таммышь повесилась, пошел в магазин. Макс глянул на слишком тихого Барбоса, который сидел в углу кухни перед своей миской с борщом. Гена проследил за взглядом Макса и тут же пояснил: «Это просто издевательство кормить животное сухим кормом. Собака должна есть точно такую же еду, что и ее хозяин».

– Ешь, Барбосик, – засюсюкал Гена.

И Барбос, как будто только и ждал приглашения, наклонился к миске и стал покорно лакать суп.

Это какой-то дурдом, подумал Макс. Все как-то неправильно. Это Настя должна сидеть здесь и кормить Макса обедом, а не Гена. Настя должна была сидеть на этом стуле и рассказывать про Барбоса. Глухая злоба на несправедливость мира поднималась из глубины его существования и душила.

– Что это у тебя? – вдруг резко спросил Гена.

Макс, вырванный из своих невеселых дум, не сразу сообразил, о чем тот говорит.

– Это! – повторил Гена, неожиданно разволновавшись, указывая на отворот рубашки Макса, из которого выглядывал кулон на короткой веревочке.

Макс пожал плечами – не мог же он рассказать Гене про странную женщину из тумана, которая вылечила ему голову и повесила на шею этот кулон. Как тот посмотрит на него? Как на дурака? Да и кто так не подумает? Сам Макс до сих пор считал, что это все его разыгравшаяся фантазия. Хотя... не многовато ли фантазии в последнее время?

– Красивая вещь? – спросил Макс, уходя от ответа.

– Да ничего так, – Гена уже успокоился. – Ты ешь давай.

Макс послушно ел, а Гена, охнув, пошел в прихожую, взял насквозь мокрые ботинки Макса, чтобы поставить на батарею. Разгибаясь, он заметил свернутую трубочкой тетрадь, торчащую из кармана куртки. Не особо колеблясь, будто его в детстве не учили не совать нос в чужие вещи, развернул обычную тетрадь в линейку. Записи были только на первой странице, все остальное – чистые листы.

– Что это? – сказал он, заходя на кухню и читая на ходу: – «Хварц, Чехия, пропал 25 июля, найден 12 июля. Подобрали местные грибники, сошел с ума. Дойл, Ирландия, пропал 17 июля, нашли через пять дней, умер от укуса гадюки, наверно был аллергик, не проверено».

– Что это? – спросил Макс и вырвал тетрадь из рук Гены.

– Я только что спросил то же самое. Ты где это раздобыл?

– У приятеля одного, – не рассказывать же про Козлова. На листке был список имен, гражданство (из России тоже было пара человек), две даты и странные объяснения – «повесился, по непроверенным данным, сошел с ума, убили в драке...» Но четыре человека были только с одной датой. Всего было 9 фамилий.

– Это что, ты так свои компьютерные игры придумываешь? – спросил Гена.

– Откуда ты узнал про игры? – подозрительно спросил Макс. Кажется, он таких подробностей про себя не сообщал.

– Ну как же, – Гена не смутился, – я тебя тут весь день дожидаюсь, думал вот-вот вернешься, не бросишь хату с собакой на незнакомца.

– Комп обшарил? – Макс уже даже не сердился – сил на это не было.

– Я хотел просто поиграть.

– Я ноутбук только вчера купил, он абсолютно новый. Там нет инфы.

Гена вздохнул.

– У тебя флешка была воткнута и папка открыта. Извини. Я понимаю, тебе неприятно, но я хотел знать кто ты. Я не открывал, честно, я по названиям файлов понял. Прости.

Макс отвернулся, снова уткнулся в тетрадь Козлова. Записи были сделаны в разное время, разными чернилами, но одним почерком. Так, если это туристы, которые ходили с Козловым, то их не могло быть всего девять. И почему сестра Козлова сказала, что это компромат на «Аризону»? Стоп, а почему у фирмы такое название странное? Макс открыл комп и быстро набрал название фирмы. Оказалось, что на самом деле, фирма зарегистрирована в Америке, вся страница на английском. Понятно, что Бурдюкова не смогла получить деньги мужа. Их туры были во многих государствах, в России тоже есть, то самое, на Кузьминских болотах. Рекламируется как экстремальное, но не так уж чтоб на первых полосах, неярко так, неброско...

Макс снова взял тетрадь. Та-ак... девять имен. Пятеро вернулись, потому что две даты, но в ужасном состоянии. Про ирландца вообще трудно сказать – «вернулся», его нашли мертвого. Откуда Козлов-то это мог знать? Видимо, да, целенаправленно собирал сведения. Макса передернуло от одной мысли, что это не блеф, не фантазия полоумного мужика, а правда. И то, что он говорил в их встречу – не белогорячечный бред... Какая пропасть открывается перед ним. Заглотит, лучше в нее не смотреть. Макс инстинктивно захлопнул тетрадь. Будто это могло помочь: закрыть и все пропадет, исчезнет, рассеется.

У Гены как будто тоже сложилось в пазл. Или он еще не понял всей картины, но записи сами по себе изрядно напугали. У него было ошарашенное выражение лица.

– Трое из них сошли с ума, – заметил он дрогнувшим голосом. – Не многовато ли? Тридцать процентов, третья часть...

Макс его не слушал. А те, у кого одна дата? Те до сих пор не вернулись. Или Козлов не знал о них? Но если эти люди пропали, то о них должны знать в полиции. «Хотя, что мне это дает?» – подумал Макс. Благодаря этой тетрадке Настю не найдешь. Снова тупик.

Макс устало опустился на кровать, лег, вытянув руки и ноги. Впереди еще одна ночь неизвестности.

Макс подскочил, когда услышал звонок телефона. Номер неизвестный.

– Алло, – откликнулся с надеждой и одновременно с опасением. Гена моментально оказался рядом, он ожидал хороших новостей.

– Максим Юрьевич? – уточнил голос в трубке. – Вас беспокоят из Николаевского отделения полиции. У нас есть кое-что для вас. – Макс замер, даже сердце перестало биться, чтобы ударами не заглушить голос из трубки, расслышать каждое слово.

– Да, это я, – горло высухло, говорить было нелегко. Гена чуть ли не прижался ухом к трубке с другой стороны, но Макса это уже не заботило.

– Я думаю, вам нужно приехать, опознать...

– Что?! – выкрикнул Макс. – Она... – трудно было произнести, что вертелось на языке.

– Нет, нет, – поспешно ответил голос дежурного. Он понял, что Макс имел в виду, не нужно было договаривать. – Нет, она жива. Правда, мы не можем быть уверены, говорим ли мы об одном и том же человеке, дело в том, что при девушке документов не было.

– То есть... она жива – великий вздох облегчения, – но... она не может вам сказать, как ее зовут?

– Да, именно так, – облегченно ответил голос.

– Что с ней?! Что с ней?!!

– Не могу сказать, – почему-то заколебался голос правоохранителя. – Приезжайте, сами все узнаете. Она в больнице. Записывайте адрес.

Макс еще не понял, что делать, а Гена уже подал ему огрызок карандаша, бывший игрушкой Барбоса, и повернутую чистым листком тетрадь Козлова.

Гена увязался с ним. Но Макс и не возражал. Навалилась какая-то моральная усталость, эмоциональная поддержка ему сейчас не помешала бы, пусть даже совершенно постороннего человека. Он все еще не знал, куда они ехали. Двигаясь по направлению стрелки в навигаторе, они выехали за город, потом свернули с общей трассы и оказались в каком-то непонятном районе. То ли деревня, то ли дачи... Остановились у железных ворот с будкой охранника. Оба высунулись в окно, рассматривая в сгустившихся сумерках вывеску на воротах. Прочли одновременно: «Психиатрическая клиника». Переглянулись. Оба выскочили из машины, одновременно, пошли к двери. Макс начал трясти закрытые на замок железные ворота, но им навстречу быстро вышел санитар – видимо, об их приезде было сообщено. Пропустили без слов.

– Точно, она! – сказал врач-психиатр, дежуривший с утра, рассматривая фотографию, – вообще невменяемая была. Вся в грязи. Ей делали промывание – напилась болотной жижи.

– Я хочу ее увидеть, – сказал Макс, стараясь сохранять самообладание.

– Я не разрешу вам свидания с ней. Приходите в приемные часы. А лучше предварительно звоните.

Макс перестал слушать доктора: «Сам найду» и решительно вышел из кабинета.

– Вы куда? – возмутился доктор и побежал следом. Гена пошел за ними.

Макс шел по коридору лечебницы, распахивая двери палат и осматривая лежащих на кроватях пациенток. Он шел упрямо, сжав губы. Его как танк нельзя было остановить на пути. Доктор бежал за ним, и безнадежно пытался его образумить:

– Она только что успокоилась, ей вкололи транквилизаторы. Она тут такое шоу устроила, всех санитаров расшвыряла, все орала про какого-то лешего.

Гена шел за ними с не меньшим энтузиазмом.

– Стойте! Вы что меня не слышите? – раскричался доктор и схватил Макса за рукав, но тот стряхнул его как ненужный мусор.

– Как вы не понимаете, он должен удостовериться что это именно она, – решил вмешаться Гена

– Двадцать седьмая палата. – Вдохнул доктор. – Но недолго. Только посмотрите и уходите.

Настя спала на кровати. Она была такая же как обычно, какой ее знал Макс – руки подложила под голову, она всегда так спала. Чистые золотистые локоны разметались по подушке. Улыбается во сне. Какая же она сумасшедшая? Это какое-то недоразумение.

– Настя, – позвал Макс.

– Не надо, не будите ее, – предупредил доктор.

Но Гена вытолкал доктора за дверь.

– Настенька, – позвал Макс опять, присев рядом со спящей девушкой и потрогал ее за плечо.

Зрачки Насти задвигались под веками. Она тяжело вздохнула. Доктор колотил в дверь, приказывая открыть, а Гена держал дверь, не давая тому нарушить свидание влюбленных.

– Настя, пойдем, я заберу тебя домой. Пусть только попробуют тебя не отдать.

Макс снова начал трясти Настю, пытаясь ее разбудить. И она проснулась. Открыла глаза и непонимающе посмотрела на Макса, потом огляделась вокруг. Доктор за дверью подозрительно затих. Похоже, ушел за подмогой.

– Пора уходить. Эти психврачи – сами психи, – предупредил Гена.

– Настя, это я, Максим. Ты что, меня не узнаешь? – улыбка Макса сменилась тревогой. – Совсем не узнаешь?

Настя смотрела на молодого человека, и в ее глазах стало появляться осмысление.

– Что ты ищешь? Зачем ты лезешь куда не следует?

Макс застыл на месте. Он не знал, как реагировать на ее слова.

– Не открывай ворот! – сказала она.

– Каких ворот? О чем ты?

В следующую секунду она накинулась на него, обхватив его горло руками.

– Не вздумай открывать ворота лешего! Лешего! – рычала она, сдавливая горло Макса.

Макс пытался отцепить ее руки, но бороться с нею было сложно. Настя была настолько сильна, что приходилось только удивляться. Гена бросился помогать другу, оттаскивая ее от Макса. Тот уже начал задыхаться.

– А-а-а-а, – завывала Настя, – Ворота лешего!

Настя отпустила Макса и неуловимо-быстрым движением схватила за волосы Гену, дернула к себе, потом отшвырнула к стенке. Гена отлетел, как тряпичная кукла, так и остался лежать у стены. Макс стоял и растирал шею. Девушка направлялась к нему, ее зрачки были огромными и почти полностью закрывали радужку. Макс кашлял и с ужасом ожидал ее приближения. Ему на мгновение показалось, что взгляд Насти прояснился, губы изгибаются в улыбке. Вот сейчас она рассмеется, скажет – «Это была дурацкая шутка. Наконец-то ты пришел за мной» и кинется обнимать. Вот сейчас, в это мгновение...

– Ворота! Не смей открывать! – закричала Настя с новой силой и бросилась на Макса.

В палату влетели санитары во главе с доктором.

– Вяжите ее! – деловито приказывал он, – колите!

Четверо санитаров накинулись на девушку, повалили на пол и что-то вкололи. Настя еще какое-то время боролась, а потом затихла. Гена все так же продолжал сидеть возле стены, наблюдая за всем происходящим, как по телевизору.

– Вот видите, что вы наделали, – укорял доктор обоих парней. – Вы в порядке?

А Макс смотрел как вяжут Настю, как уже успокоившуюся ее укладывают на кровать, как повисли ее безжизненные руки, как задрался халат, бесстыже оголяя ноги, как равнодушно один из санитаров укрывает ее одеялом... И безысходная тоска сдавила горло, не давая дышать. Лучше бы он заплакал. Стало бы легче. Но слез не было. Было только глухое отчаяние. Как с его Настей могло такое произойти? Ведь вчера еще она была здорова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.